

БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

Ф. ШИЛЛЕР
ВИЛЬГЕЛЬМ
ТЕЛЛЬ

ДЕТГИЗ 1946

БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

Ф. ШИЛЛЕР

**ВИЛЬГЕЛЬМ
ТЕЛЛЬ**

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1946 Ленинград

Перевод с немецкого П. Славятинского

Редакция А. Дейча

Рисунки П. Вышеславцева

**ФРИДРИХ ШИЛЛЕР И ЕГО ДРАМА
«ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ»**

Один из крупнейших немецких поэтов Фридрих Шиллер родился в 1759 году в маленьком городке Вюртембергского герцогства Марбахе, в семье полкового фельдшера. Когда мальчику минуло двенадцать лет, он был отдан в военную школу, находившуюся под «высоким покровительством» вюртембергского князька Карла-Евгения.

В этой КарлсшULE («школе Карла») мальчиков за малейшую провинность нещадно секли розгами; сам герцог устанавливал меру наказания и присутствовал при экзекуциях.

Восемь лет провел юный Фридрих Шиллер в КарлсшULE. Из казарменных стен ее он вынес жгучую ненависть к бессмысленной солдатской муштре, к деспотам, правившим мелкими государствами отсталой, сохранившей тысячи феодальных пережитков Германии. Еще на школьной скамье тайком от наставников Шиллер зачитывался

произведениями передовых французских философов XVIII века. Под грохот барабанов в его голове слагались гимны свободе.

В 1780 году Шиллер окончил школу и получил звание полкового лекаря. Эта профессия обеспечивала ему лишь нищенское существование.

Медицина мало интересовала Шиллера. Он чувствовал, что его призвание — поэзия, драматургия. После окончания школы он написал одну за другой три драмы: «Разбойники», «Заговор Фиеско в Генуе» и «Коварство и любовь».

В своих драмах Шиллер хотел дать современникам образы благородных, ищущих свободы и счастья людей; он верил, что эти образы помогут перевоспитать читателей и зрителей, поднимут их над уровнем затхлого быта Германии.

Герцогу Карлу-Евгению мало нравились литературные опыты полкового лекаря Шиллера. Он не позволил молодому драматургу присутствовать на репетициях драмы «Разбойники», готовившейся к постановке в Мангейме. Шиллер все-таки побывал на премьере «Разбойников», за что был посажен на гауптвахту. В конце концов герцог под угрозой заключения в крепость запретил ему писать что-либо, кроме медицинских сочинений.

Не выдержав «отеческих забот» своего покровителя, поэт в 1782 году бежал из Вюртембергского герцогства в Мангейм. Он занялся исключительно литературной деятельностью, стал писать не только драмы, но и лирические стихи, баллады.

В зрелые годы Шиллер увлекся историей, написал несколько трудов на исторические темы, читал лекции по всеобщей истории в Иенском университете. Большинство его драм также посвящено историческим событиям.

Так, в драме «Дон Карлос» действие разворачивается в эпоху испанского короля Филиппа II. С большой художественной силой изображена Шиллером эта мрачная эпоха. Положительный герой драмы, маркиз Поза, называет себя «гражданином грядущих поколений». Он требует от короля Филиппа II свободы мысли и совести.

Драмы, насыщенные таким протестом против деспотизма, Шиллер создавал в первый период своего творчества. Позже он примирился с окружающей его действительностью. На смену бунтарским настроениям пришло разочарование, поэт утратил надежду на перестройку существующего порядка.

Фридрих Шиллер в то время был уже писателем с мировой славой. Он жил и работал в Веймаре, в непосредственной близости к Гёте, с которым встретился впервые в 1788 году.

В своей драме «Вильгельм Телль» Шиллер после долгого перерыва еще раз обратился к основной теме юношеских лет — к теме борьбы человека против тирании.

«Вильгельм Телль» написан Шиллером за год до смерти, последовавшей в 1805 году.

В основу драмы положена легенда о швейцарском народном герое Вильгельме Телле.

При создании «Вильгельма Телля» главным источником Шиллеру послужила «Швейцарская хроника» — книга историка и географа XVI века Эгидия Чуди, в которой собраны рассказы и предания из истории Швейцарии в древние времена и в эпоху Средневековья. Там рассказывается и о храбром швейцарце Вильгельме Телле, который в 1307 году якобы убил жестокого порабощителя Швейцарии — австрийского ландфохта (наместника) Геслера.

Займствуя некоторые детали из книги Чуди, великий драматург довольно свободно обошелся с историческими фактами. Все же он сохранил в драме главные черты изображенной им эпохи.

Три лесных кантона в Альпах — Швиц, Ури и Унтервальден — играли большую роль в истории средневековой Европы, потому что они находились в непосредственной близости от Сен-Готардского перевала, важного пункта на торговых путях между Италией и Германией. Горцы облагали пошлиной товары, провозимые через Сен-Готард, служили купцам проводниками в горах. Еще в XIII веке князья Габсбурги, владевшие небольшими землями в Альпах и в Эльзасе, хотели подчинить себе лесные кантоны, чтобы захватить торговый путь через Сен-Готард.

В 1273 году германские князья избрали императором Рудольфа Габсбургского. Захватив герцогство Австрийское, Рудольф таким образом соединил в своем лице власть германского императора и австрийского герцога.

Преемник Рудольфа Альбрехт I пытался еще больше расширить родовые владения Габсбургов. Он хотел окончательно прибрать к рукам лесные кантоны, которые для борьбы с Габсбургами заключили в 1291 году «Вечный оборонительный союз». Швейцарцы соглашались признать верховную власть Альбрехта как германского императора, но отказывались считать себя подданными австрийского герцога, которым являлся тот же Альбрехт.

Мужественных и суровых горцев, живших в условиях родового патриархального быта, не страшила власть германского императора, довольно призрачная в ту пору, но их тяготил тот жестокий режим насилия и произвола, который установили в лесных кантонах австрийские ландфохты.

Когда Габсбурги попытались смирить лесные кантоны, войска горцев в битве при Моргартене в 1315 году нанесли ополчению Габсбургов решительное поражение.

Так швейцарцы отстаивали свою независимость.

Позднейшее предание главную роль в освобождении лесных кантонов от австрийского ига отвело храброму горцу Вильгельму Теллю, славившемуся меткой стрельбой из лука. Предание рассказывает, что Телль отказался поклониться шляпе австрийского герцога, которую ландфохт Геслер велел выставить на шесте, приказав всем кланяться ей как символу австрийской власти. Заслушав Вильгельма Телля, должен был сбить стрелой яблоко с головы своего маленького сына. Телль выполнил страшный приказ Геслера, но затем признался, что в случае неудачи вторую стрелу пустил бы в ландфохта.

Разгневанный Геслер велел связать Телля и сам повез его через Фирвальдштетское озеро в свой замок. В это время на озере поднялась буря, и Теллю как искусному рулевому поручили привести лодку к берегу. Благополучно доведя лодку до берега, он выпрыгнул на сушу и убил стрелой ландфохта. Этот поступок, по преданию, послужил сигналом к восстанию лесных кантонов против Габсбургов.

Вильгельм Телль — излюбленный герой швейцарской легенды. До сих пор в Швейцарии показывают места, где Телль выпрыгнул из лодки, где он убил Геслера. Однако в действительности Телль никогда не существовал.

Шиллер, воспользовавшись народной легендой, в центре драмы поставил не Вильгельма Телля, а народ, отстаивающий свое право на самостоятельное существование.

Он дал в «Вильгельме Телле» галерею народных характеров, отчасти заимствованных из хроники Чуди, но главным образом созданных его творческой фантазией. В драме есть только две подлинно исторические фигуры: владетельный барон Вернер фон-Аттинггаузен и герцог Швабский Иоганн Паррицида.

Интересно отметить, что Шиллер никогда не был в Швейцарии и только по описаниям был знаком с чарующей природой Альп, которую он так ярко изобразил в «Вильгельме Телле».

«Вильгельм Телль» еще при жизни поэта был поставлен на сцене. Немецкая цензура значительно искадила

авторский текст. С тех пор драме Шиллера не раз приходилось преодолевать цензурные рогатки.

Высокие художественные достоинства, горячие гражданские чувства, дух свободолюбия, витающий над всей драматической поэмой Шиллера, до сих пор привлекают к ней внимание читателей и зрителей всего мира

А. Дейч

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман Геслер, имперский наместник (ландфохт) в Швице и в Ури.

Вернер фон-Аттинггаузен, владетельный барон.

Ульрих фон-Руденц, его племянник.

Вернер Штауффахер

Конрад Гунн

Итель Рединг

Ганс Мауэр

Иорг Гоф

Ульрих Шмид

Иост Вайлер

Вальтер Фюрст

Вильгельм Телль

Рессельман, священник

Петерман, клирик (пономарь)

Куони, пастух

Верни, охотник

Руоди, рыбак

поселяне из Швица.

поселяне из Ури.

Арнольд Мельхталь
Конрад Баумгартен
Майер из Сарнена
Струт Винкельрид
Клаус Флюе
Буркгарт Бюгель
Арнольд Сева
Пфайфер из Люцерна.
Кунц из Герзау.
Енни, мальчик-рыбак.

поселяне из
Унтервальдена.

Сеппи, подпасок.
Гертруда, жена Штауффахера.
Гедвига, жена Телля, дочь Фюрста.
Берта фон-Брунез, богатая наследница.

Армгарда
Мехтгильда
Эльсбета

крестьянки.

Гильдегарда
Вальтер
Вильгельм

сыновья Телля.

Фрисгард
Лейтхольд

ландскнехты (наемные пехотинцы)
Геслера

Рудольф Гаррас, конюший Геслера.
Иоганн Паррицида, герцог Швабский.

Штюсси, полевой сторож.

Трубач кантона Ури.

Имперский гонец.

Надсмотрщик.

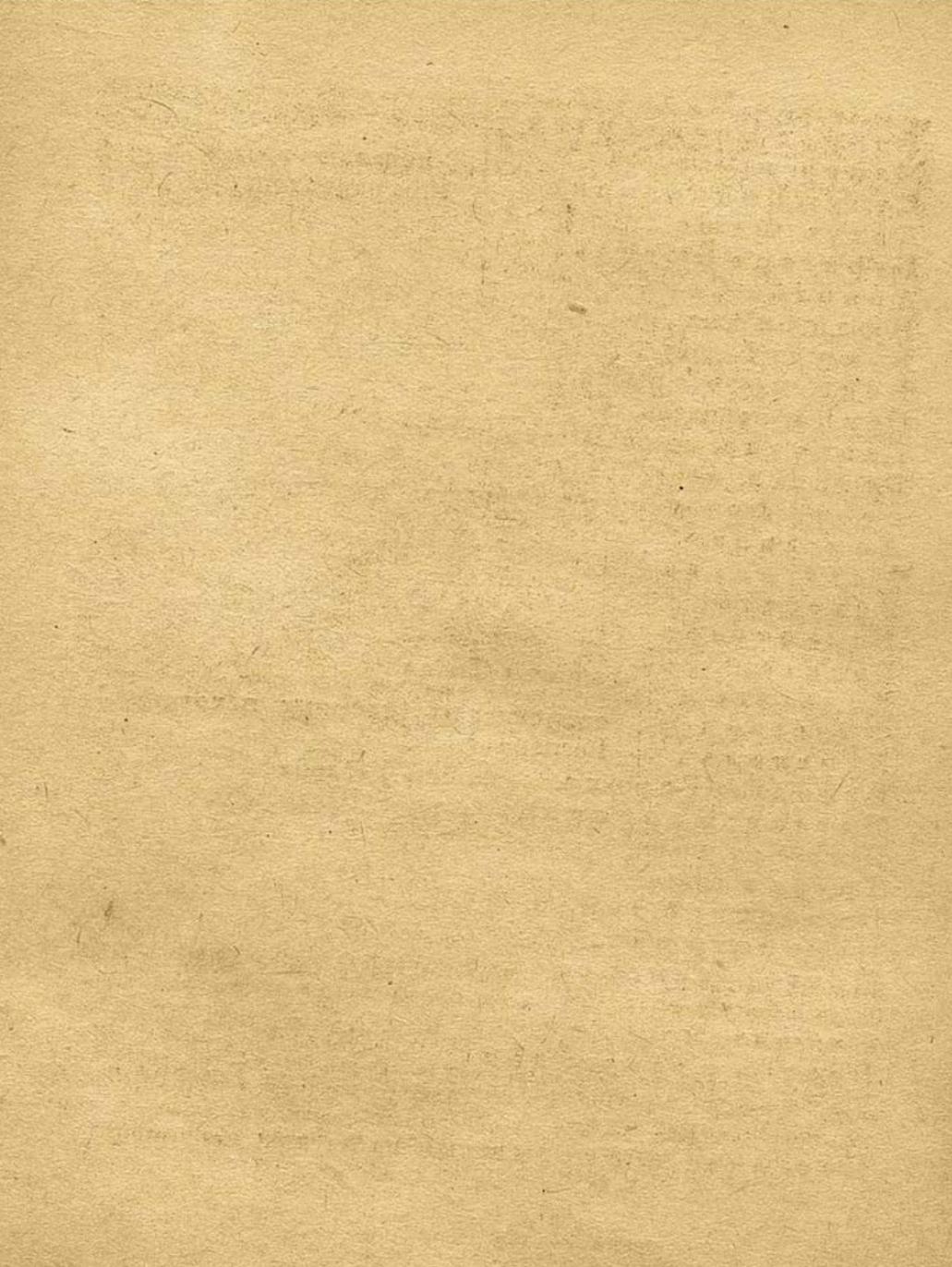
Мастер-каменотес, подмастерья и черно-
рабочие.

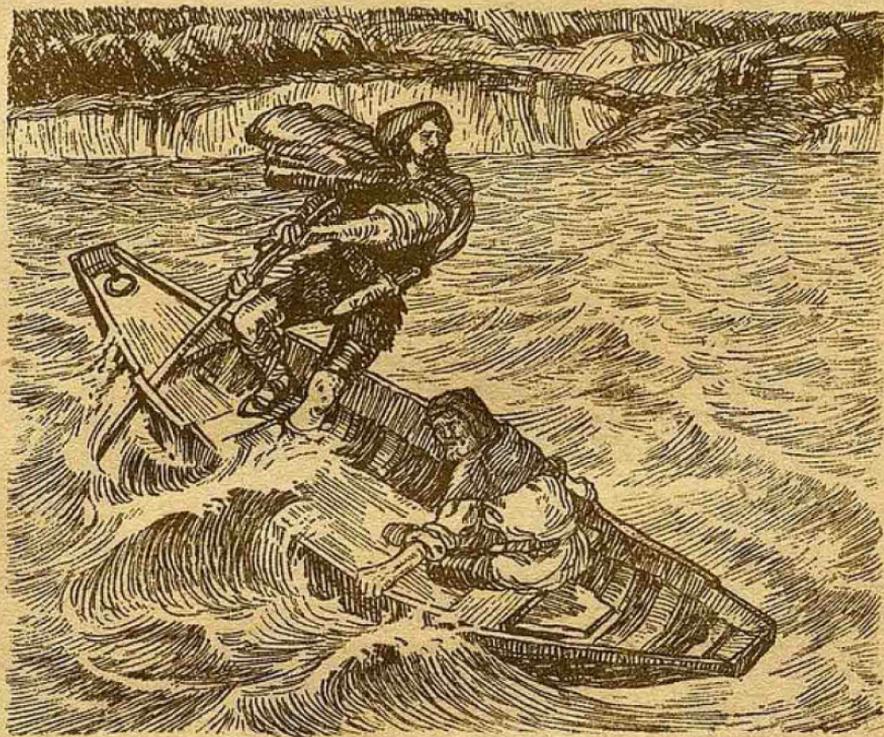
Глашатай.

Братья милосердия.

Рейтары — конная стража ландфохтов Геслера и Лан-
денбергера.

Поселяне и поселянки из лесных кантонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Выеский скалистый берег Фирвальдштетского озера напротив Швида. Озеро образует бухту; недалеко от берега стоит хижина; мальчик-рыбак катается в челноке. На другой стороне озера видны освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швида. Слева от зрителя вырисовываются сквозь облака острые зубцы Гакена; справа, в глубине сцены, виднеются снежные горы. Еще до поднятия завесы слышны звуки швейцарской пастушеской песни и гармоничный перезвон колокольчиков, который продолжается некоторое время и после поднятия занавеса.

Мальчик-рыбак (поет в челноке;
напев швейцарской пастушеской песни)

На озеро манит купанья улада,
Уснувшего мальчика нежит прохлада.

Волной убаюкан,
Он слышит во сне —
Свирель или ангел
Поет в вышине.

Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пенятся волны.

И голос из глуби:
«Знай, отрок, ты мой!
Маню я сонливца,
Влеку за собой».

Пастух (на горе; вариация того же
напева)

Прощайте, луга,
Вы, алые зори!
Разлука нам горе,
Ах, лето прошло!

Пора нам в долины, мы свидимся снова,
Когда все очнется от сна ледяного
И голос кукушки в лесу зазвучит,
Цветы запестреют, родник зажурчит.

Прощайте, луга,
Вы, алые зори!
Разлука нам горе,
Ах, лето прошло!

Альпийский охотник появляется
на вершине противоположной скалы;
вторая вариация)

Гремит и грохочет лавина в горах,
Стрелок не робеет на скользких тропах.

Он дерзко шагает
Средь снега, средь льдов,
Где весен не знают,
Не знают цветов.

Внизу разостлалась туманов града,
И гордые тонут под ней города.

И только в минутные
Тучек разрывы
Мелькают зеленые
Рощи и нивы.

Местность принимает другой вид; глухой грохот слышев в горах;
тени облаков перебегают по земле.

Руоди, рыбак, выходит из хижины. Верни, охотник, спускается
со скалы. Куони, пастух, идет с подойником на плече. Сеппи,
подпасок, следует за ним.

Руоди

Проворней, Енни! Вытащи челнок!
Седой дух бурь идет. Гремит лавина.
Утес накрылся шапкой облаков,
И холодом пахнуло из ущелий;
Гроза вот-вот над нами разразится.

Куони

Да, быть дождю, приятель. Овцы жадно
Едят траву, а пес мой роет землю.

Верни

А рыба так и плещет, и лысуха¹
Нырлет часто. Видно, грянет буря.

Куони (подпаску)

Гляди, не разбрелось бы стадо, Сеппи.

Сеппи

Нет, бурой Лизель слышен колокольчик.

¹ Лысуха — большая птица из семейства водяных пастушков.

К у о н и

Ну, значит все, она идет последней.

Р у о д и

Приятен звук бубенчиков у вас.

В е р н и

И скот надиво. Что, земляк, он ваш?

К у о н и

Нет, я не так богат. Хозяин стада —
Мой господин барон фон-Аттинггаузен.

Р у о д и

Ах, до чего корову лента красит!

К у о н и

Она горда, что стадо все ведет,
А стоит ленту снять — и есть не станет.

Р у о д и

Да это вздор! Бессмысленная тварь...

В е р н и

Ну, как сказать — есть у животных разум.
То видим мы, за сернами охотясь.
Везде, где им пастись ни доведется,
Одна всегда у них стоит на страже.
Чуть подошел — уж подняла тревогу.

Р у о д и (*пастуху*)

А вы домой?

К у о н и

На пастбищах нет корму.

Верни

Счастливого пути!

Куони

И вам того же.

Не всяк из вас приходит цел домой.

Руоди

Вон человек несется что есть мочи.

Верни

Да это Баумгартен из Альцельна!

Конрад Баумгартен врывается запыхавшись.

Баумгартен

О, ради бога, перевозчик, лодку!

Руоди

Что так не терпится?

Баумгартен

Беда, беда!

Мне смерть грозит. Скорей перевезите!

Куони

Земляк, что с вами?

Верни

Кто вас настигает?

Баумгартен (рыбаку)

Скорей, скорей, за мной несутся следом!

Ландфохта люди мчатся по пятам,

И если схватят, гибель неизбежна.

Руоди

Чего ж за вами конники потнались?

Баумгартен

Сперва спасите — после расскажу.

Верни

Но вы в крови! Что там произошло?

Баумгартен

Тот кастелян¹ в австрийском замке Росберг...

Куони

А, Вольфеншиссен! Выслал он погоню?

Баумгартен

Нет, он безвреден — я убил его.

Все (отшатнувшись)

О боже, что вы сделали, несчастный!

Баумгартен

Что каждый сын свободы сделать должен!
Я только право отстоял свое:
За честь жены я мстил и за свою.

Куони

Над честью вашей надругался он?

Баумгартен

Нет, злему вождельню кастеляна
Помехой стали бог и мой топор.

¹ Кастелян — в данном случае комендант замка.

В е р н и

Вы топором его по голове?

К у о н и

О, расскажите нам, пока рыбак
От берега отвязывает лодку!

Б а у м г а р т е н

Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Ко мне жена бежит в смертельном страхе.
К нам кастелян явился, он велел
Ей баню приготовить для него,
И стал ее любви он домогаться.
Но, вырвавшись, она нашла меня.
Тут я бегом домой — и топором
Благословил по черепу злодея.

В е р н и

Вы правы, и никто вас не осудит.

К у о н и

Ах, изверг! Поделом ему награда
За Унтервальден весь, за наш народ!

Б а у м г а р т е н

Ландфохт узнал, и вот за мной погоня...
Мне дорог миг... а мы всё говорим...

Слышен гром.

К у о н и (рыбаку)

Живей, рыбак, его перевези!

Р у о д и

Уж поздно ехать: началась гроза.
Придется переждать.

Баумгартен

Великий боже!

Нельзя мне ждать, ведь промедленье — гибель...

Куони (рыбаку)

Владеет смелым бог! Твой долг — помочь.
Страстись беда такая может с каждым.

Бушуют волны. Гром.

Руоди

Поднялся вихрь, и озеро взыграло;
Не справиться мне с бурей и волнами.

Баумгартен (обнимает его колени)

Господь воздаст вам, сжальтесь надо мной!

Верни

Будь милосерден, жизнь ему спаси!

Куони

Семейство у него: жена и дети!

Снова удары грома.

Руоди

И мне придется жизнь свою стубить,
И у меня в дому жена и дети.
Бушуют волны, яростся прибой.
Пучина вздыблена водоворотом.
Без лишних слов я рад его спасти,
Судите сами — это невозможно.

Баумгартен (все еще на коленях)

Так мне попасть во вражеские руки,
Когда уж близок берег избавленья!

Вот он раскинулся передо мною!
Мой голос до него достигнуть может,
Вот лодка, что меня перевезла бы,
Но тщетно я взываю о спасенье!

Куони

Смотрите, кто идет!

Верни

Да это Телль!

Телль с луком-самострелом.

Телль

Кто этот муж, о помощи молящий?

Куони

Он из Альцельна. Честь свою спасая,
Он злого Вольфеншиссена убил,
Который был австрийским кастеляном.
Ландфохта всадники несутся следом.
Он молит рыбака о перевозе,
Но тот боится бури и не едет.

Руоди

Пред вами Телль. Веслом и он владеет.
Он подтвердит, что тут нельзя дерзать.

Телль

Дерзай на все, когда беда наступит.

Сильные удары грома, на озере волнение.

Руоди

Мне ринуться туда, в крошечный ад?
Нет, я еще рассудка не лишился.

Т е л ь

Мысль о себе — последняя у храбрых.
Спасай гонимого и вверься богу!

Р у о д и

Вы мастера учить на берегу.
Вон озеро, вон лодка — сам попробуй!

Т е л ь

Скорей пучина сжалится — не фохт.
Берись, гребец!

П а с т у х и и о х о т н и к и

Спаси его! Спаси!

Р у о д и

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Нельзя: ведь нынче Симона-Иуды...¹
Ярится озеро и жертвы ждет.

Т е л ь

Пустою речью делу не помочь;
Торопит час, ждет помощи гонимый.
Поедешь, лодочник?

Р у о д и

Нет, не могу!

Т е л ь

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

¹ День Симона-Иуды празднуется 28 октября, то есть в пору осенних бурь.

Куони

Отважный Телль!

Верни

Охотник виден сразу!

Баумгартен

Вы избавитель, вы мой ангел, Телль!

Телль

Быть может, я спасу вас от ландфохта.
Обоих нас другой спасет в грозе.
И лучше вам отдаться воле божьей,
А не людской.

(Пастуху.)

Земляк, утешь жену,
Когда меня удел земной постигнет.
Я сделал то, чего не мог не сделать.

(Прыгает в лодку.)

Куони *(рыбаку)*

Вы рулевой искусный. Отчего же,
Где Телль отважился, вы не посмели?

Руоди

Получше есть, и те бы отступили.
В горах другого Телля не найти.

Верни *(взобравшись на утес)*

Отчалил он! Вперед, пловец отважный!
Смотри, как волны суднышко швыряют.

Куони (на берегу)

Вот залило... Пропал из глаз... Постой,
Мелькнул опять! О, храбрый, как он мощно,
Борясь с волной, прокладывает путь!

Сеппи

Ландфохта всадники несутся вскачь!

Куони

И впрямь они! Ну, в пору Телля помощь!
Отряд рейтаров ландфохта Ланденбергера.

Первый рейтар

Убийцу выдайте, он вами спрятан!

Второй рейтар

Сюда бежал он, вам его не скрыть!

Куони и Руоди

Кого вам, стражник?

Первый рейтар (заметив челнок)

Что я вижу? Дьявол!

Верни (сверху)

Не тот ли, в челноке, кого вам надо?
Нагнать его взм ничего не стоит.

Второй

Проклятие! Он ускользнул!

Первый (пастуху и рыбаку)

Но вы,

Пособники, расплатитесь за это!
Угоним скот! Дома испедем!

Скачут прочь.

С е п п и (бросаясь за ними)

Мои ягнята!

К у о н и (следуя за ним)

О, мои стада!

В е р н и

Вот изверги!

Р у о д и (ломая руки)

О боже правосудный!

Когда придет отечества спаситель?

(Уходит за ними.)

Сцена вторая

В Штайвене, кантон Швиз. Лица перед домом Штауффахера, что выстроен у большой проезжей дороги подле моста.
Вернер Штауффахер и Пфайфер из Люцерна входят разговаривая.

П ф а й ф е р

Да, Штауффахер, я уж говорил вам:
Не присягайте Австрии, коль можно.
Империи держитесь твердо, смело.
И да хранит свободу вашу бог!

(С чувством пожимает ему руку и хочет уйти.)

Ш т а у ф ф а х е р

Останьтесь же! Вот-вот придет хозяйка.
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

П ф а й ф е р

Благодарю! Поспеть в Герзау надо
Мне нынче. Так снесите ж терпеливо
Надменность ваших фохтов, жадность их.

Ведь скоро после Габсбурга другой,
Быть может, избран будет император.
А с Австрией вы Габсбургов рабы!

(Уходит.)

Штауффахер в задумчивости садится на скамью под липой. В этом положении его застает жена его Гертруда. Она останавливается перед ним и некоторое время молча на него смотрит.

Г е р т р у д а

Так мрачен, друг? Не узнаю тебя.
Уж много дней я молча наблюдаю,
Как бороздит твой лоб немая скорбь
И тайный червь упорно гложет сердце.
Откройся мне. Как верная жена
Я требую себе и в горе долю.

Штауффахер молча пожимает ей руку.

Скажи мне, что на сердце у тебя?
Благословен твой труд, все процветает,
Полны амбары, а молочный скот
И сильные, упитанные кони
Приведены благополучно с гор
На долгое, покойное зимовье.
Твой дом, смотри, — как замок, он богат;
Он выстроен из мачтового леса
Недавно, всем и образец и диво;
Приветливо сверкают окна в нем;
Он пестрыми гербами изукрашен
И надписями мудрыми, и все
Дивятся им, читая мимоходом.

Ш т а у ф ф а х е р

Да, правда, выстроен на славу дом,
Но шаткое под домом основание.

Гертруда

Скажи, мой Вернер, как тебя понять?

Штауффахер

Под этой липой я сидел недавно
И рук моих трудами любовался.
Вот вижу, едет со своим отрядом
Ландфохт наш Геслер. Перед этим домом
Остановился в удивленье он.
Как подобает, я тотчас покорно
Навстречу выступил тому, кто в крае
Суд императора блюдет верховный.
«Чей это дом?» спросил коварно он,
А сам отлично знал. Я это понял
И отвечал ему: «Дом этот, сударь,
Принадлежит властителю страны
И вам, а мне он отдан только в лен». —
«Я императора наместник в крае, —
Сказал он, — и не потерплю, чтоб здесь
Дома крестьянин строил самовольно
И жил свободно, словно господин.
Уж я сумею с вами совладать».
Сказал — и прочь уехал он надменно,
Меня оставив полного тревог
Обдумывать зловещие угрозы.

Гертруда

Мой милый муж и господин! Услышать
Не хочешь ли жены прямое слово?
Я дочь Иберга, чем горжусь немало, —
Он мудр и многоопытен. Мы, сестры,
Бывало ночь за прялкой коротали,
Когда к отцу старейшины народа
Сходились, чтобы грамоты читать

Былых властителей и поразмыслить
О благе родины в беседе мудрой.
С вниманием прислушивалась я
К речам их умным, к добрым пожеланьям
И, как завет, в душе все сберегла.
Ты терпеливо выслушай меня.
Давно я знаю, что тебя гнетет:
Ландфохт нам враг, он сжил бы нас со свету,
Тебя готов он обвинить, что Швиц
Не хочет власти герцогов австрийских,
Но с твердостью почтенных предков наших
Империи он остается верен.
Не так ли, Вернер? Я ведь не ошиблась?

Ш т а у ф ф а х е р

Конечно, Геслер злится за это.

Г е р т р у д а

Ему завидно, видишь ли, что ты
Свободен, счастлив на своем наследье,
Какого он лишен. Сам император
И государство дали в лен тебе
Дом этот, им гордишься ты по праву,
Как князь имперский землями своими.
Нет над тобой властителя другого —
Лишь высший в целом христианском мире.
А Геслер — самый младший сын в роду
И только рыцарским плащом владеет.
Вот почему на честных поселян
Косится он со злобой ядовитой.
Т е б я давно он погубить поклялся,
Ты невредим еще. — так неужели
Ты должен ждать злорадного удара?
Кто мудр — умеи предвидеть.

Штауффахер

Что ж мне делать?

Гертруда (*подходит ближе*)

Вот мой тебе совет. Ты знаешь, в Швице
Давно народ весь ропщет на насилье
Скупца и злого изверга ландфохта.
Не сомневайся ж, Вернер, у соседей,
Там, в Унтервальдене и в землях Ури,
Народ устал от тяжкого ярма.
Подобно Геслеру, там Ланденбергер
За озером неистовствует дерзко.
Любой рыбацкий челн с той стороны
Приходит к нам как вестник злодеяний
И надругательств тамошних ландфохтов.
Я полагаю, было б хорошо,
Кто честно мыслит, всем посоветаться,
Как сбросить этот небывалый гнет.
Убеждена, господь вас не оставит,
И дело правое он защитит.
Скажи, нет в Ури друга у тебя,
Которому открыть ты мог бы душу?

Штауффахер

Людей достойных много там я знаю
И знатных, уважаемых господ.
Доверьем связан я взаимным с ними.

(*Встает.*)

Жена, каких ужасных мыслей вихрь
Ты подняла в моей груди спокойной!
Тайник души открыла свету дня.
И то, о чем и думать не дерзал я,
Без колебанья высказала ты.
Но взвешен ли, обдуман твой совет?

Ты дикие раздоры, звон мечей
Зовешь на эти мирные долины.
Как слабое пастушеское племя
Дерзнет на бой с властителем вселенной?
Предлог им только благовидный нужен,
Чтобы наслать на бедную страну
Наемников неистовые орды
И, правом победителя прикрывшись,
Под видимостью справедливой кары
Покончить с нашей вольностью старинной.

Г е р т р у д а

И вы — мужи! Так действуйте секирой —
Отважным помогает сам господь.

Ш т а у ф ф а х е р

Жена! Неистов, страшен бич войны,
Грозит он смертью пастуху и стаду.

Г е р т р у д а

Сносить нам должно то, что бог послал.
В ком честь жива, не вынесет неправды.

Ш т а у ф ф а х е р

Наш новый дом так радуется тебе!
Война сожжет его до основания.

Г е р т р у д а

Когда б меня земное искушало,
Решилась бы — и дом сожгла б сама.

Ш т а у ф ф а х е р

Ты веришь в человечность! Но война
Не пощадит младенца в колыбели.

Гертруда

Невинности защита есть на небе.
Смотри вперед, мой Вернер, не назад!

Штауффахер

Мужи падут, сражаясь беззаветно,
Но жены, вас какая ждет судьба?

Гертруда

Последний выбор каждому оставлен:
Прыжок с моста — и я навек вольна.

Штауффахер *(бросаясь в ее объятия)*

Тот, кто обнять такого друга может,
Сразится радостно за свой очаг.
Тому войска не страшны королей.
Иду немедля в Ури, у меня там
Надежный друг есть, старый Вальтер Фюрст.
Всегда мы сходных мыслей с ним держались.
Вблизи него живет фон-Аттингаузен.
Он, правда, знатный рыцарь, но ему
Люб наш народ и старые заветы.
Я с ними посоветуюсь о том,
Как родины врага нам сокрушить...
Прощай же и, покуда я далеко,
Веди с умом хозяйство в нашем доме.
Паломника к иконе чудотворной,
Монаха, что на церковь собирает,
Ты приюти и щедро им подай.
Дом Штауффахера не прячется. Открыто
Здесь у большой дороги он стоит,
Для путников гостеприимный кров.

Меж тем как они удаляются в глубину сцены, входят Вильгельм
Телль и Баумгартен.

Телль (Баумгартену)

Теперь я вам не нужен, Баумгартен.
Вот в этот дом ступайте, в нем живет
Отец всем притесненным — Штауффахер.
Да вот и сам он! Подойдем к нему.

Идут к нему.

Сцена третья

Открытое место возле Альторфа. В глубине сцены, на возвышенности, достраивается крепость. Задняя часть ее окончена, переднюю — строят. Леса поднимаются высоко; по ним вверх и вниз ходят мастера-ровые. На самом верху, на крыше, сидит кровельщик. Всё в движении, все занято работой.

Надсмотрщик, мастер-каменотес, подмастерья и подручные.

Надсмотрщик (с палкой, поучает рабочих)

Живей, бездельники! Сюда известку,
Раствор и камень для стены тащите!
Когда ландфохт придет, пусть видит он,
Что дело спорится. Эх вы, улитки!

(Двум чернорабочим с кладью.)

И это ноша? Вдвое надо класть!
Вы лодыри, я вижу, да и только.

Первый подмастерье

Глумление над нами — заставлять нас
Своей рукой себе темницу строить.

Надсмотрщик

Так вы ворчать? Бессовестный народ,
Коров доить лишь годный и лениво
Всю жизнь таскаться по своим горам!

Старик (сидясь отдохнуть)

Ох, мочи нет...

Надсмотрщик (трясет его за плечи)

Живей, старик, за дело!

Первый подмастерье

Где ваше сердце? Он ведь еле ходит,
А вы его на подневольный труд
Всё гоните!

Мастер-каменотес и подмастерья

Безбожное насилье!

Надсмотрщик

Не ваше дело! Служба так велит.

Второй подмастерье

А что, смотритель, как же назовут
Ту крепость, что мы строим?

Надсмотрщик

Игом Ури:

Надежно вас таким ярмом согнут.

Подмастерья

Так, игом Ури!

Надсмотрщик

Что же тут смешного?

Второй подмастерье

Домишком этим нас хотят смирить?

Первый подмастерье

Кротовых куч таких насыпать много
Одну поверху другой придется вам,
И то гора у нас любая выше!

Надсмотрщик уходит в глубину сцены.

Мастер-каменотес

В глубь озера я молоток закину,
Который мне служил в проклятом деле.

Входят Телль и Штауффахер.

Штауффахер

Вот дожил я, глаза бы не видали!

Телль

Небезопасно здесь. Пойдемте дальше.

Штауффахер

И это — Ури, это — край свободы?!

Мастер-каменотес

О, если б вы увидели подвалы
Под башнями! Кто угодит туда,
Тот крика петуха уж не услышит.

Штауффахер

О господи!

Каменотес

А своды, а подпоры —
Для вечности построены они!

Телль

Что руки строили — низвергнут руки.

(Указывая на горы.)

Твердыню вольности воздвигнул бог.

Слышен барабан. Входят люди с шляпой на шесте; за ними следует глашатай. Женщины и дети толпой вливаются на сцену.

Первый подмастерье

Бьет барабан! Прислушайтесь!

Мастер-каменотес

Потеха!

Ну, карнавал... А шляпа-то зачем?

Глашатай

Во имя императора!

Подмастерье

Тс!.. Тише!

Глашатай

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На столб высокий в Альторфе наденут
И выставят на видном месте там.
И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается почесть,
Что и ему. Пусть каждый перед нею,
Смирясь, без шапки станет на колени,
Чтоб император знал ему покорных.
Лишится тот имения и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Народ громко смеется. Бьют в барабан, и толпа расходится.

Первый подмастерье

Неслыханное фохт затеял снова:
Он поклоняться шляпе нам велит!
Слышал ли кто о чем-нибудь подобном?

Второй подмастерье

Так нам велят колени гнуть пред шляпой?
Что за игра с почтенными людьми!

Первый подмастерье

Ну, будь еще имперская корона!
А то ведь шляпа герцогов австрийских,
Имперней дарованная им!

Мастер-каменотес

Австрийская она! Смотри-ка в оба!
Ловушка тут, чтоб Австрии предать нас.

Подмастерья

В ком честь жива, не стерпит поруганья!

Мастер-каменотес

Пойдем, с другими надо сговориться.

Уходят в глубину сцены.

Телль (*Штауффахеру*)

Вы видели достаточно. Прощайте.

Штауффахер

Куда? Не торопитесь так отсюда!

Телль

Прощайте! Без хозяина мой дом.

Штауффахер

Так тяжело на сердце... Поговорить бы нам.

Телль

Слова едва ли сердце укротят...

Штауффахер

Но к подвигам пускай ведет слова.

Телль

Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом.

Штауффахер

Но должно ль то сносить, что нестерпимо?

Телль

Крутой правитель властвует недолго.
Когда над бездной забушует вихрь,
То гасятся огни, а корабли
Бегут укрыться в гавань, и стихия
Проносится бесследно, без вреда.
Пусть каждый дома, в тишине живет,
Кто мирен сам, того оставят в мире.

Штауффахер

Вы думаете?

Телль

Да, змеи не троньте —
И не ужалят. Утомятся сами,
Увидя наших стран невозмутимость.

Штауффахер

Мы многого добьемся сообща.

Телль

В крушение легче выплыть одному.

Штауффахер

Вам дела нет до общей всем беды?

Телль

Надейся твердо сам лишь на себя.

Штауффахер

Сплотившись, даже слабые могучи.

Телль

Тот, кто силен, всего сильней один.

Штауффахер

Так родине на вас надежды нет,
Когда к копыю в отчаянье прибегнет?

Телль (*подает ему руку*)

Телль выручит из пропасти ягненка,
Неужто он своих друзей покинет?
Но вы не ждите от меня совета.
Я не умею помогать словами.
А делом захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Расходятся в разные стороны. Внезапно к лесам сбегается народ.

Мастер-каменотес (*вбегают*)

Эй, что там?

Первый подмастерье (*вбегают
с криком*)

Кровельщик свалился с крыши!

Берта (*со свитой бросается к месту
происшествия*)

Разбился он? Бегите же к нему!
Вот золото, спасите, если можно!

(*Бросает народу свои драгоценности.*)

М а с т е р

Вы с золотом — для вас ведь все продажно.
Отняв отца у малых ребятишек,
Навек жену и мужа разлучив
Иль на народ обрушивши беду,
Всё думаете золотом поправить?
Ступайте прочь! Без вас мы знали радость,
А с вами до отчаянья дошли.

Б е р т а (*подошедшему к ней смотрителю*)

Он жив?

Смотритель знаками показывает, что нет.

Злосчастный замок, ты построен
С проклятьями, и ты навеки проклят!

(*Уходит.*)

Сцена четвертая

Дом Вальтера Фюрста.

Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь одновременно
входят с разных сторон.

М е л ь х т а л ь

А, Вальтер Фюрст...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Хоть бы нас не застигли!
Ни шагу дальше! Тут кругом шпионы.

М е л ь х т а л ь

Все нет из Унтервальдена вестей?
Что мой отец? Не в силах дольше я
Здесь попустому пленником томиться.
Чем провинился я, скажите, Фюрст,

Что мне скрываться нужно, как убийце?
Я негодяю палец лишь зашиб.
Ведь по приказу нашего ландфохта
Он на моих глазах хотел угнать
У нас волов отличнейшую пару,
Каких во всей округе не найти.

Вальтер Фюрст

Вы слишком горячи. Слуга он фохта
И от него был послан с порученьем.
Вы провинились, и вам надо было.
Хоть кара и тяжка, все молча спесть.

Мельхталь

И наглецу простить его глумленье?
Ведь он сказал: «И без волов крестьянин,
Запрягшись в плуг, сумеет хлеб добыть».
Нет, сердце из груди моей рвалось.
Когда волов прекрасных выпряг он.
Мыча, они рогами упирались,
Как будто чувствуя весь этот срам.
И я, охвачен справедливым гневом,
Не вытерпел и дерзкого прибил.

Вальтер Фюрст

Мы, старики, едва смиряем сердце,
Где ж юношам обуздывать себя?

Мельхталь

Лишь об отце тревожусь я. Опора
Ему нужна, а сын его далёко.
Фохт ненавидит старика: отец
Всегда стоял за право и свободу.
Теперь они начнут его теснить,
И некому за старого вступиться.
Нет, будь что будет, я пойду к нему.

Вальтер Фюрст

Терпением вооружитесь, ждате
Вестей из Унтервальдена вам надо...
Я слышу стук... Не посланный ли это
Ландфохта? Спричьтесь, может ведь и в Ури
Вас Ланденбергера рука настигнуть.
Один тиран другому помогает.

Мельхталь

Они пример нам этим подают.

Вальтер Фюрст

Ступайте! Позову, лишь можно будет.

Мельхталь уходит.

Несчастный! Я открыть ему не смею
Моих предчувствий смутных. Кто стучится?
Чуть только скрипнет дверь, я жду несчастья.
Предательство, коварство притаились
По всем углам. Насилья слуги дерзко
Врываются в дома. Придется нам
Засовы и замки к дверям приделать.

*(Отворяет дверь и в изумлении отступает,
увидя входящего Штауффахера.)*

Кого я вижу? Вернер! Вы ли это?
Мой дорогой, бесценный гость... Почтенней
В моем дому я никого не помню.
Добро пожаловать ко мне под кровлю!
Вы как у нас? Что ищете здесь, в Ури?

Штауффахер

Былое время, родину былую!

Вальтер Фюрст

Вы их с собой приносите. Вас видя,
Я чувствую на сердце облегченье.
Садитесь, Вернер! Как здоровье вашей
Супруги, рассудительной Гертруды,
Вполне достойной мудрого отца?
Паломники, что из земли немецкой
В Италию бредут дорогой горной,
Ваш дом гостеприимный очень хвалят.
Садитесь. В нашем крае ничего
Особенного вы не замечали,
Пред тем как мой порог переступили?

Штауффахер (садится)

Да, здание тут странное возводят,
И вид его не радует меня.

Вальтер Фюрст

Чуть бросишь взгляд — все сразу ясно станет.

Штауффахер

Таких домов тут, в Ури, не бывало.
Темниц у нас не знали никогда.
Могила лишь была для всех темницей.

Вальтер Фюрст

И этот замок — вольности могила!

Штауффахер

Да, Вальтер Фюрст, скажу вам без утайки,
Я к вам пришел не с праздным любопытством —
Меня грызут заботы... Я оставил
Гнет позади — и гнет я вижу здесь.
Страданья наши стали нестерпимы,
Но притеснениям не видать конца.

Издревле был свободен наш народ,
К насилию такому непривычен.
Подобных дней страна еще не знала
С тех пор, как в ней пастух пасет стада.

Вальтер Фюрст

Да, беспримерно их самоуправство!
И даже родовитый Атtingаузен,
Который помнит давние года,
Сам говорит, что бремя нестерпимо.

Штауффахер

А в Унтервальдене тяжелый гнет
Кровавого дождался воздаянья.
Там Вольфеншиссен, в Росберге сидел он,
Хотел вкусить запретного плода:
Он дерзко Баумгартена жену
Задумал обесчестить, но хозяин
Хватил его что силы топором.

Вальтер Фюрст

Так, божий суд был справедлив над ним!
А скромный человек был Баумгартен!
Скажите, удалось ему спастись?

Штауффахер

Ваш зять его от стражи фохта спас,
А спрятался он под мою кровлей...
Он рассказал еще ужасней случай,
Что в Сарнене произошел недавно.
Ах, ваше сердце кровью обольется!

Вальтер Фюрст (*насторожась*)

Что ж там случилось, Вернер?

Штауффахер

Там, в Мельхтале,

Неподалеку от деревни Кернс
Живет правдивый старец Генрих Гальден.
Его советом дорожит округа.

Вальтер Фюрст

Он всем знаком! Ну, что с ним? Говорите!

Штауффахер

Так вот, за сына мелкую провинность
Фохт Ланденбергер выпрячь приказал
У них волов прекраснейшую пару.
А юноша, слугу ударив, скрылся.

Вальтер Фюрст *(с величайшим
нетерпением)*

Ну, а отец? Скажите, что с ним стало?

Штауффахер

Он Ланденбергерем был вызван. Фохт
Велел ему тотчас доставить сына.
Старик поклялся, не кривя душой,
Что ничего о беглеце не знает.
Тогда послал за палачами фохт...

Вальтер Фюрст *(вскакивает и хочет
увести его в другую сторону)*

Ни слова, тише!

Штауффахер *(с возрастающей силой)*

«Сын твой ускользнул,
Так я ж тебя!» И кликнул палачей,
И старику глаза они пронзили

Вальтер Фюрст

О боже милосердный!

Мельхталь (*вбегая*)

Как — глаза?

Штауффахер (*с удивлением, Вальтеру
Фюрсту*)

Кто этот юноша?

Мельхталь (*судорожно хватая его*)

Глаза? Скажите ж!

Вальтер Фюрст

Несчастный!

Штауффахер

Да, но кто же это, кто?

Вальтер Фюрст делает ему знаки.

Так это сын? О праведное небо!

Мельхталь

А я был далеко! Так оба глаза?

Вальтер Фюрст

Крепитесь же, беду, как муж, снесите!

Мельхталь

И за мою вину, за мой проступок!
Слепой? Он вправду слеп, совсем слепой?

Штауффахер

Я все сказал. Исыяк источник зренья,
Он солнца не увидит никогда!

Вальтер Фюрст

Щадите скорбь его.

Мельхталь

Так, никогда!

(Закрывает лицо руками и некоторое время молчит. Затем, обращаясь то к одному, то к другому, говорит прерывающимся от слез голосом.)

О свет очей, высокий неба дар!
Тобою все создания живут,
И каждое счастливсе творенье,
Цветок в траве повертывает к свету
Свою головку... Но отец навеки,
Все чувствуя, во тьме жить обречен!
Его не усладит ни зелень луга,
Ни красота цветов, ни пурпур зорь.
Смерть не страшна, но жить, не видя солнца,
Вот где беда... Зачем вы на меня
Так смотрите? Да, у меня два глаза,
Но и один я дать отцу бессилён
Иль даже слабый луч от моря света,
Что мне в глаза, слепя, сверкая, льется.

Штауффахер

Не исцелить — усилить ваше горе
Придется мне... Чужда его безмерна:
Жестокий фохт все отнял у него.
Один лишь посох он ему оставил,
Чтоб наг и слеп под окнами скитался.

Мельхталь

Слепому старику один лишь посох!
Все отнято и даже солнца свет —

Добро одно для бедных и богатых...
Никто теперь меня здесь не удержит!
Презренный трус — тогда я только думал
Лишь о себе, а про тебя, отец,
Я позабыл, и голову родную
Оставил я у изверга в залог!
Прочь, осторожность робкая! Отныне
О мщении кровавом буду думать.
Пойду... Никто меня здесь не удержит.
Пусть мне ландфохт вернет глаза отца!
Я отыщу его средь грозной стражи.
Ничто мне жизнь, пока я не смогу
Чудовищное, жгучее страданье
В крови злодея утолить!

(Порывается уйти.)

Вальтер Фюрст

Постойте!

Ну чем ему вы будете страшны?
Он в крепости, средь неприступных скал,
Лишь поглумится над бессильным гневом.

Мельхталь

Живи он в ледяном дворце Шрекгорна
Иль выше, там, где Юнгфрау¹ сидит —
Под снежною фатою дева гор,
Я проложил бы путь к нему. Лишь двадцать
Таких, как я, и мы разрушим крепость.
Но если я останусь одинок,
Вы ж, за стада, за хижины страхась,
Покорно склонитесь под игом лютым,
Тогда в горах я кликну пастухов,

¹ Шрекгорн и Юнгфрау (юнгфрау — дева) — горные вершины в Альпах.

И там, под вольным небосводом, где
Так мужественны духом, сердцем чисты,
Я расскажу о мерзком злодеянье.

Штауффахер (Вальтеру Фюрсту)

Он в лютом горе... Подождем, однако,
Пока до крайности...

Мельхталь

Какой еще
Бояться крайности, когда самой
Зенице ока гибель угрожает?
Мы ль беззащитны? Для чего ж тогда
Нас тетиву натягивать учили
И тяжкою секирою владеть?
На час беды орудие защиты
Созданьям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам страшными рогами,
Охотника свергает в бездну серна,
И даже вол, беззлобный домоходец
Людей, что силу страшную свою
С терпеньем под ярмом смиряет тяжким.
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.

Вальтер Фюрст

Будь три страны, как мы втроем — в согласье,
Мы что-нибудь сумели б совершить.

Штауффахер

Пусть Ури кликнет клич — ему на помощь
И Швиц и Унтервальден поспешат.

Немало в Унтервальдене друзей
 Есть у меня, и всяк собой рискнет,
 Когда в другом подпору он увидит.
 О мудрые старейшины народа!
 Вы видите, я юноша меж вами,
 Мужами многоопытными. Скромно
 На сходках общины пока молчу.
 Пусть молод я и мало испытал,
 Совета моего не презирайте.
 Не жажда крови говорит во мне, —
 Отчаянья мучительная сила,
 Что у скалы исторгнуть слезы может.
 И вы, отцы, и вы, главы семейств,
 Достойного себе хотите сына,
 Который чтит бы ваши седины
 И, как зеницу ока, вас берег.
 О, если вы ни телом, ни добром
 Еще не пострадали и глаза
 У вас бодры, и ясны, и подвижны,
 То все же наших не чуждайтесь бед!
 Ведь и над вами меч повис тирана:
 Вы против Австрии страну зовете.
 Другой вины и мой отец не знал.
 Вы — соучастники и ждите кары.

Штауффахер (*Вальтеру Фюрсту*)

Решайтесь! Я последую за вами.

Вальтер Фюрст

Послушаем, что скажут нам дворяне —
 Бароны Силенен и Аттинггаузен.
 Их имена доставят нам друзей.

Мельхталь

Чьи ж имена у нас в горах почтенней,
Чем ваше. Фюрст, и ваше, Штауффахер?
В такие имена народ наш верит
И доброй славою венчает их.
Вы доблестей, завещанных от предков,
Умножили богатые наследье.
Что нам дворяне? Справимся без них!
Будь мы одни в стране, давно сумели б
И без дворян найти себе защиту.

Штауффахер

Дворянам притеснения незнакомы:
Поток, теперь бушующий внизу,
Вздываясь, не достиг еще вершины.
Но в помощи они нам не откажут,
Когда страна к оружию прибегнет.

Вальтер Фюрст

О, если б был меж Австрией и нами
Посредник, право и закон могли б
Решать. Но нас гнетет сам император,
А он — судья верховный наш. Так пусть
Господь поможет нам рукою
нашей.
Вербуйте в Швице, я вербую в Ури.
Но в Унтервальден нам кого б отправить?

Мельхталь

Меня... мне это дело ближе всех.

Вальтер Фюрст

Я не согласен, я вас не пушу:
За безопасность гостя я в ответе.

Мельхталь

Все тайные тропинки, все дороги
В горах я знаю, а мои друзья
И приютят и от врага укроют.

Штауффахер

Пусть с богом он идет в свой Унтервальден.
Предать его там некому. Тираны
Послушных слуг себе там не находят.
И Баумгартен следом пусть идет,
Вдвоем они весь этот край подымут.

Мельхталь

Но как затем подать друг другу весть,
Что бдительность усыплена тиранов?

Штауффахер

Собраться можно в Бруннене иль в Трейбе,
Где пристают с товарами суда.

Вальтер Фюрст

Нет, так открыто действовать нельзя.
Послушайте: от озера налево,
Как в Бруннен ехать, против Митенштейна,
Есть в чаще леса светлая поляна,
Что Рютли, то есть Росчистью, зовется.
Там некогда тот лес расчищен был.
На этом месте сходятся границы

(Мельхталю)

Моей и вашей стран. Недолог путь

(Штауффахеру)

Туда из Швица в легком челноке.
Ночной порой пустынными тропами
Сойдемся мы туда на наш совет.

И пусть по десяти мужей надежных,
Единодушных каждый приведет.
Там наши беды вместе мы обсудим,
Что делать, с божьей помощью решим.

Ш т : у ф ф а х е р

Да будет так. Теперь, друзья, подайте
Мне ваши руки честные. Как мы,
Три мужа, здесь стоим, сплетая руками,
Нелицемерно, честно, так же пусть
И для отпора и для обороны —
На жизнь и смерть! — сплотятся три страны.
Вальтер Фюрст и Мельхталь
На жизнь и смерть!

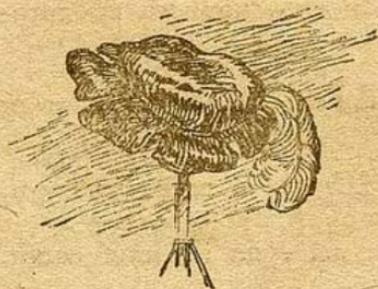
Все трое, подав друг другу руки, некоторое время молчат.

М е л ь х т а л ь

Слепой старик отец!

Ты не увидишь дня освобождения,
Но ты его услышишь; выси гор
Сигнальными огнями запылают,
Падут тиранов дерзкие твердыни,
И к хижине твоей, страны святыне,
Из городов придут и деревень,
И в тьме очей займется яркий день.

Расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Замок барона Аттинггаузена. Готический зал, украшенный гербовыми щитами и шлемами.

Барон, старик восьмидесяти пяти лет, высокого роста и благородной осанки, одетый в меховой камзол, стоит, опираясь на посох с рогом серны вместо набалдашника. Куони и шесть работников, с граблями и косами, окружили его. Ульрих фон Руденц входит в рыцарской одежде.

Руденц

Вы звали, дядя... Что же вам угодно?

Аттингаузен

По древнему обычаю, сперва
С работниками чашу разопьем.

(Пьет из кубка и передает его вкруговую.)

Бывало с ними я в лесу и в поле —
И взглядом их усердье поощрял
Иль в битву вел под стягом боевым;
А нынче я в дворецкие лишь годеи,
И если солнце в замок не заглянет,
То мне невмочь за ним подняться в горы.
И все тесней, теснее жизни круг,
Все ближе самый тесный круг, последний.
Где жизнь замрет навек. Сейчас я тень,
Недолго ждать — останется лишь имя.

Куэни *(подавая Руденцу кубок)*

Желаю здравствовать!

(Видя, что Руденц колеблется, брать ему кубок или нет, продолжает.)

И пусть у нас
Одно вино, одно и сердце будет.

Аттингаузен

Ступайте, дети, на заре вечерней
Мы о делах страны поговорим.

Работники уходят.

Аттинггаузен и Руденц.

Аттинггаузен

Я вижу, ты в дорогу снаряжился.
Ты в замок Альторф снова едешь, Руденц?

Руденц

Да, дядя, и нельзя мне дольше медлить.

Аттинггаузен *(сидясь)*

Но так ли это к спеху? Неужели
Так скупо юности отмерен срок,
Что не найдешь для старика минуты?

Руденц

Давно я вижу, что я вам не нужен;
Я в этом доме чужаком живу.

Аттинггаузен *(пристально смотрит
на него)*

Да, это правда, правда... К сожаленью,
Чужбиной стала родина тебе!..
Не узнаю тебя, мой Ульрих, Ульрих!
В шелку блистаешь, горд пером павлиньим,
Пурпурный плащ накинута на плечо,
А на крестьянина с презреньем смотришь,
Стыдясь его радушного привета.

Руденц

Почет охотно воздаю ему,
Но прав своих ему не уступаю.

Аттинггаузен

У Габсбурга в опале вся страна.
Сердца всех честных граждан скорби полны

От тирании. Одного тебя
Не трогает всеобщая печаль...
Отступником тебя считают, ты
На сторону врага страны предался.
Глумишься над народною бедой.
За легкими утехами в погоне,
Благоволенья Габсбургов ты ищешь,
А лютый бич отечество терзает.

Руденц

Страна угнетена... Но отчего же?
Кто вверг ее в подобную беду?
Одно лишь слово стоит произнестъ —
И гнета тяжкого как не бывало,
И снова милостив к нам император.
О горе свет народу заслонившим,
Чтоб он не видел истинного блага!
Да, все они из выгоды своей
Противятся, чтоб три лесные края,
Как прочие, австрийцам присягнули.
Ведь им приятно на скамьях господских¹
С дворянами сидеть. А император
Как призрачная власть желанен им.

Аттинггаузен

И это, Ульрих, от тебя я слышу?

Руденц

Вы бросили мне вызов — дайте кончить!
Что тут за роль играете вы сами?
Неужто гордости хватает только,
Чтоб старшиной, владетельным бароном
Здесь править с пастухами наравне?

¹ Речь идет о представительном собрании, в котором участвовали не только дворяне, но и другие сословия.

Да разве дворянину не почетней
На верность Габсбургам присягу дать
И в лагерь их блестящий перейти?
Ну что за честь быть со слугою равным
И с селянином заседать в суде?

А т т и н г а у з е н

Ах, Ульрих! Голос узнаю соблазна,
Который жадный слух твой обольстил
И сердце напоил отравой сладкой!

Р у д е н ц

Да, я не скрою, глубоко в душе
Отозвались насмешки чужеземцев,
Крестьянской знатью обозвавших нас...
Нет, дядя, я не вынесу. Повсюду
Дворяне-юноши стремятся к славе,
Избрав знамена Габсбургов. А я
В досуге или в низменных заботах
Лишь попустому время убиваю.
Там подвиги свершаются, мир славы,
Сияя, движется за гранью гор,
А здесь мои проржавели доспехи.
Ни звук задорный боевой трубы,
Ни зов герольда на турнир блестящий
В долины эти к нам не проникают.
Я слышу здесь одни пастушьи песни
Да колокольчиков унылый звон.

А т т и н г а у з е н

Слепец, мишурным блеском обольщенный!
Что ж, презирай отчизну! И стыдись
Ее обычаев священных, древних!
Твой час придет, и ты к родным горам
Стремиться будешь с горькими слезами.

А тот простой пастушеский напев,
Которым ты пренебрегаешь гордо,
Заставит сердце изойти тоской,
Когда его в чужой земле услышишь.
О, как могуча к родине любовь!
Не для тебя тот мир, чужой и лживый.
При гордом императорском дворе
Себе же будешь чужд с душой открытой!
В том мире доблести нужны другие,
Не те, какие приобрел в горах.
Ступай же и продай свою свободу,
Лен получи, стань герцогским рабом,
Когда себе сам господин и князь
Ты на земле наследственной, свободной.
Не покидай своих, мой Ульрих, Ульрих!
Не ездь в Альторф... О, не оставляй
Святого дела родины своей!
Ты знаешь, я в моем роду последний.
Мое угаснет имя, и в могилу
Положите вы мне мои доспехи.
Так неужели при последнем вздохе
Я думать должен, что, закрыв глаза мне,
Ты к чужеземцам явишься и там
Свободные, дарованные богом
Владения как лен австрийский примешь?

Руденц

Мы Габсбургу противимся напрасно:
Ему весь мир подвластен. Неужели
Одни с упорством нашим закоснелым
Мы цепь земель сумеем разорвать,
Которой он, могучий, окружил нас?
Его здесь рынки и суды, его
Торговые пути, ведь конь под вьюком
И тот на перевалах платит сбор.

Владеньями его мы, будто сетью,
Окружены, опутаны повсюду.
Защита ли империя для нас?
Да разве Австрии она сильней?
Бог наш оплот, не император. Верить
Возможно ль императору, когда,
В деньгах нуждаясь, чтоб вести войну,
Он заложить решился города,
Которые отдались под защиту
Имперского орла? Нет, мудрость, благо
Велят во времена тяжелых смут
Искать себе могучего владыку.
Имперская корона переходит
По выборам, и памяти у ней
О службе верной нет. Зато услуги
Наследственному дому — сев надежный.

А т т и н г а у з е н

Ах, так? Ты хочешь быть умвей отцов,
Свободы самоцвет неоценимый
Добывших кровью, доблестью геройской?
Ты в Люцерн съезди, там спроси народ,
Как этот край австрийцы угнетают.
Они и к нам придут; овец, коров
Пересчитают, пастбища обмерят,
В лесах свободных запретят охоту
На зверя красного и на пернатых,
Заставами нам преградят мосты.
Нас разорив, поместий нахватаят
И нашей кровью будут побеждать.
Нет, если кровь свою нам проливать,
То лучше за себя: свобода нам
Куда дешевле рабства обойдется.

Р у д е н ц

Как пастухам с империей тягаться?

Аттингаузен

Сперва узнай, какие пастухи!
Я знаю их, я вел их на врага.
Я вместе с ними дрался под Фаэнцой¹.
Пусть нам посмеют иго навязать.
Когда его нести мы не хотим!
Учись же гордости за свой народ!
Не променяй на блеск пустой, мишурный
Ты неподдельный жемчуг высшей чести —
Стать во главе свободного народа,
Который за тобой с любовью чистой
И верностью пойдет на смертный бой...
Вот чем гордись; знай: благородство — в этом.
Скрепляй рождением созданные узы,
Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих тается.
Но там, в стране чужой, ты одинок,
Сухой тростник, что свежий ветер сломит.
Давно тебя мы дома не видали,
Останься с нами только день один,
Сегодня в Альторф не ходи, мой Ульрих.
Сегодня, слышишь? Этот день — для близких!

(Хватает его руку.)

Руденц

Я слово дал... Я связан... Не могу.

Аттингаузен *(оставляя его руку, строго)*

Ты связан... Да, злосчастный, это верно,
Ты связан, но не словом и не клятвой,
А узами любви. Мне все известно.

¹ Фаэнца — итальянский город близ Равенны; в 1241 году им овладел германский император Фридрих II (1212—1251).

Руденц отворачивается

Я вижу, ты смущен, ты отвернулся.
Ты Бертою фон-Брунек увлечен,
Она тебя к австрийской службе манит.
Невесту хочешь ты добыть ценой
Измены родине... Не прогадай!
Они тебя невестой приманили;
Не будь же прост, она не для тебя.

Руденц

Прощайте, хватит этих поучений!

(Уходит.)

Аттинггаузен

Да погоди, безумец!.. Нет, ушел!
И я не в силах удержать, спасти...
Так Вольфеншиссен некогда отпал
От родины... Так отпадут другие.
Манят за наши горы молодежь
Чужой страны могучие соблазны.
О, злополучный час, когда чужое
Проникло в безмятежные долины,
Чтоб нравы тут невинные растлить.
К нам новое врывается насильно,
А старое, достойное, уходит.
И времена и люди уж не те!
Зачем я здесь? Давно погребены
Все, с кем я вместе действовал и жил.
Мой век ушел в могилу. Счастлив тот,
Кто жить не будет с новым поколеньем!

Сцена вторая

Луг, окруженный высокими скалами и лесом. Со скал ведут тропинки с высеченными в них ступенями и с перилами. Спусти некоторое время после поднятия занавеса по этим тропинкам начнут сходить вниз поселяне. В глубине сцены озеро, над которым некоторое время видна лунная радуга. Вдали — высокие горы, из-за которых поднимаются еще более высокие снежные вершины. Глубокая ночь.

Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной.
Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид, Майер из Сарнена, Бургарт Бюгель, Арнольд Сева, Клаус Флюе и еще четверо поселян, все вооружены.

Мельхталь (*еще за сценой*)

Вот горная тропа. Вперед, за мной!
А вон скала с распятым на вершине.
У цели мы. Поляна эта — Рютли.

Входят с факелами.

Винкельрид

Прислушайтесь!

Сева

Все пусто.

Майер

Ни души!

Как видно, мы опередили всех.

Мельхталь

Который час?

Баумгартен

В соседней деревушке
Дал сторож криком знать, что два часа.

Издали доносится звон.

Майер

Чу! Слышите?

Б ю г е л ь

В лесной часовне, в Швице,
К обедне ранней колокол зовет.

Ф л ю е

Да, воздух чист и звук несет далеко.

М е л ь х т а л ь

Пусть кто-нибудь пойдет зажечь костер,
Чтоб он пылал, когда друзья сойдутся.

Двое крестьян уходят.

С е в а

Как хороша ночь лунная! Сегодня
Гладь озера, как зеркало, спокойна.

Б ю г е л ь

Их путь нетруден будет.

В и н к е л ь р и д

Посмотрите!

Вон там! Не видите?

М а й е р

Что ж там такое?..

И в самом деле! Радуга средь ночи!

М е л ь х т а л ь

Она луной, как видно, рождена.

Ф л ю е

Вот редкое, чудесное явление!
Не всякому дано его увидеть.

Сева

Над ней другая, только побледнее.

Баумгартен

Вон лодка показалась вдалеке.

Мельхаль

Плывет в ней Штауффахер с земляками.
Швиц долго ждать себя не заставляет.

(Идет с Баумгартеном к берегу.)

Майер

Да вот из Ури никого не видно.

Бюгель

Им обходить далеко через горы,
Чтобы посты ландфохта обмануть.

Тем временем двое крестьян развели посреди поляны огонь.

Мельхаль *(с берега)*

Эй, кто там? Отвечай!

Штауффахер *(снизу)*

Друзья страны!

Все идут в глубину сцены, навстречу прибывшим. Из лодки выходят Штауффахер, Итель Рединг, Ганс Мауэр, Иорг Гоф, Конрад Гунн, Ульрих Шмид, Иост Вайлер и еще трое крестьян. Все вооружены.

Все *(громко)*

Привет! Привет!

• В то время как все остаются в глубине сцены, приветствуя друг друга, Мельхталь и Штауффахер выходят вперед.

Мельхталь

Я видел, Штауффахер,
Того, кто уж не смог меня увидеть!
Его глазниц коснулся я рукой
И острой, жгучей мести зачерпнул
В потухшем солнце старческого взгляда.

Штауффахер

Ни слова мне о мести. Нет, не мстить,
Но встретить зло грозящее нам надо.
Вы были в Унтервальдене. Что там
Предпринято для общего нам дела?
Какие мысли у крестьян, как вам
Сетей измены удалось избегнуть?

Мельхталь

Через вершины грозные Суренна,
По ледяным полям бескрайным, голым,
Где только слышен хриплый крик орла,
Я к пастбищу альпийскому спустился —
Там пастухи из общин сопредельных
Пасут свои стада перекликаясь.
Я жажду утолял тем молоком,
Что, пенясь, из-под ледников струится,
Я в хижинах пастушеских пустых
Был сам себе хозяином и гостем,
Пока людских селений не достиг.
Уж разнеслась в долинах этих весть
О новом совершившемся злодействе.
И стоило мне только постучаться,
Меня с почетом всюду принимали.

Возмущены прямые души эти
Все новыми бесчинствами ландфохтов.
Как на лугах альпийских год за годом
Растут все те же травы, как потоки
По старым руслам движутся в том крае,
Как в небе облака и даже ветры
Извечным следуют путям, так точно
Обычай старинные от деда
Без измененья к внуку переходят.
Там пастухи враждебны новизне,
Грозящей их привычной, ровной жизни.
Они мне руку крепко пожимали,
Со стен срывали ржавые мечи,
И в их глазах сверкал огонь отваги,
Когда я Штауффахера и Фюрста
Произносил пред ними имена,
Священные для горных поселян.
Они клялись быть с вами заодно.
На смерть они клялись пойти за вами.
Так я, храним священным правом гостя,
Спешил от одного двора к другому
И наконец в родимый край пришел,
Где у меня немало есть родных...
Нашел отца слепого, в нищете
И на чужой соломе, подаянем
Живущего...

Штауффахер

О боже милосердный!

Мельхталь

Но я не плакал! Не в слезах ничтожных
Я силу горя жгучего излил —
Я заключил его, как драгоценность,
В груди и думал лишь о нашем деле.

Я побывал во всех ущельях гор,
Я обошел укромные долины,
И даже у подошвы ледников
Я хижины жилые находил.
И всюду, где пришлось мне побывать,
Везде встречал я ненависть к тиранам.
Ведь даже там, у крайнего предела
Живой природы, где уже земля
Перестает родить, ландфохты грабят...
Я возбудил сердца всех честных граждан
Горячей речью, жалом слов моих,
И наш теперь народ душой и телом.

Ш т а у ф ф а х е р

В короткий срок вы многого добились.

М е л ь х т а л ь

Я сделал больше. наших поселян
Страшат два замка: Росбергский
и Сарнен.

За стенами их каменными враг
Скрывается, вредя стране оттуда.
Мне вздумалось разведку предпринять —
И в Сарнен я присник и видел замок.

Ш т а у ф ф а х е р

Дерзнули вы войти в пещеру тигра?

М е л ь х т а л ь

В одежде пилигрима я прошел
И видел фохта в замке за пирушкой...
Судите же, как я собой владею:
Я увидал врага — и не убил.

Ш т а у ф ф а х е р

Отваге вашей счастье помогло.

Тем временем остальные крестьяне выходят на авансцену и приближаются к обоим.

Теперь скажите мне, кто те друзья,
Которые пошли сюда за вами?
Вы познакомьте нас, и мы откроем
Доверчиво свои сердца друг другу.

М а й е р

В любой из трех земель кто вас не знает?
Я — Майер, житель Сарнена. Вот этот —
Племянник мой из Винкельрида, Струт.

Ш т а у ф ф а х е р

Всё имена известные в горах.
Один из Винкельридов победил
Дракона в Вайлерском болоте; сам
В той схватке пал он.

В и н к е л ь р и д

То был предок мой.

М е л ь х т а л ь (*указывая на двух крестьян*)

Те двое — монастырские крестьяне.
Я знаю, вы от них не отвернетесь,
Хоть это крепостные, не как мы,
Свободные на собственном наследье.
Народ хороший, преданный отчизне.

Ш т а у ф ф а х е р (*обоим*)

Подайте ваши руки! Счастлив тот,
Кто никому у нас не подневолен.
Но честность красит звание любое.

К о н р а д Г у н н

Вот это Рединг, бывший старшина

Майер

Я с ним знаком. Ведь он противник мой
По старой тяжбе об одном участке.
Да, Рединг, мы враги перед судом,
Но здесь друзья.

(Жмет ему руку.)

Штауффахер

Вот сказано умно!

Винкельрид

Идут, идут! Вы слышите рог Ури?

Справа и слева появляются на скалах вооруженные люди с факелами и спускаются вниз.

Мауэр

Смотрите! Как, служитель алтаря,
Священник с ними вместе? Невзирая
На тяготы пути и мрак ночной,
Он, верный пастырь, их сопровождает!

Баумгартен

С ним клирик Петерман и Вальтер Фюрст,
Но Телля что-то с ними я не вижу.

Вальтер Фюрст, священник Рессельман, клирик Петерман, пастух Куони, охотник Верни, рыбак Руоди и еще пятеро других поселян. Все собравшиеся, числом тридцать три, выходят на авансцену и становятся вокруг костра

Вальтер Фюрст

Итак, должны мы на земле отцов,
Наследии законном нашем, тайно
Сходиться здесь, как будто для убийства

И в ночь, которая покров свой темный
Даёт лишь преступленьям и делам,
Что солнечного света избегают,
Мы право добываем, хоть оно
И чисто и светло, как день лазурный.

Мельхталь

Да будет так! Что мрак ночной прядет,
То радостно на солнце зацветет.

Рессельман

Союзники, мне вот что бог внушает.
Здесь вместо общины мы собрались
И весь народ по праву представляем.
Приступим к совещанью по старинным
Обычаям страны, как в мирный год;
Что незаконного в собрание нашем,
Оправдывает время. Бог везде,
Где право защищают от насилья,
И под его мы небом здесь стоим.

Штауффахер

Добро! Держать совет по старине;
Хоть ночь теперь, но светит наше право!

Мельхталь

Пусть нас числом немного, сердце здесь
Всего народа, лучшие тут в сборе.

Конрад Гунн

Хоть древних книг нет под рукой у нас,
Но их слова начертаны в сердцах.

Рессельман

Составим круг и в землю средь него,
Как власти знак, свои мечи вонзим.

Мауэр

Наш старшина займет в середине место,
А по бокам — помощники его.

Петерман

Здесь три народа. И кому из них
Главой совета подобает быть?

Майер

Об этом Ури пусть со Швицем спорят,
А Унтервальден уступает им.

Мельхталь

Мы уступаем. Мы пришли молить
Своих друзей могучих о поддержке.

Штауффахер

Пусть Ури меч возьмет. В походах славных
Стяг Ури реет впереди других.

Вальтер Фюрст

Нет, этой чести Швиц один достоин;
Мы все горды, что род ведем оттуда.

Рессельман

Улажу я ваш благородный спор:
В совете — Швиц, в войне пусть Ури правит.

Вальтер Фюрст (подает Штауффахеру
мечи)

Возьмите!

Штауффахер

Нет, вы старшему отдайте.

И о р г Г о ф

Здесь Ульрих Шмид старейший между всеми.

М а у э р

Он человек достойный, но судьбою
Как крепостной он в Швице быть не может.

Ш т а у ф ф а х е р

Вот Итель Рединг, бывший старшина,
Достойнее найдем ли мы главу?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Пусть будет старшиной, главой совета.
Тот, кто согласен, руку подыми!

Каждый подымает правую руку.

Р е д и н г (*выходит на середину круга*)

Священных книг для клятвы с нами нет.
Но звездами предвечными клянусь:
От истины вовек не уклонюсь.

Перед ним в землю вонзают два меча. Все становятся в круг. Швиц занимает середину, правее становится Ури, левее — Унтервальден.
Рединг стоит, опершись на свой меч.

Что привело три горные народа
Сюда, на берег озера угрюмый,
В глухой полночный час? Скажите мне,
Какая цель у нового союза,
Здесь заключенного, под небом звездным?

Ш т а у ф ф а х е р (*выходит на середину круга*)

Союз не новый нами заключен;
Возобновляем мы союз старинный,
Что предками основан. Знайте, братья!

Хотя нас делят озеро и горы
И хоть у нас раздельное правление,
Но одного мы корня, кровь одна,
И мы пришельцы из одной отчины.

Винкельрид

Так в песнях правда чистая поется,
Что издалека мы сюда пришли?
Вы древнюю нам расскажите быль,
И мы скрепим союз наш давней связью...

Штауффахер

Средь старых пастухов живет преданье.
Был некогда на севере далеком¹
Большой народ. Голодный год настал,
И община в такой беде решила,
Чтобы меж них по жребию десятки
Оставил отчий край... И стало так!
И шли они с унынием, в слезах,
Мечом чрез землю немцев пробиваясь,
До дикого, лесистого нагорья.
Но устали и тут не зная, дальше,
Вплоть до долины дикой, шли они,
Где Муотта змеится средь лугов...
Людских следов здесь не было заметно,
Лишь хижина на берегу виднелась
Да лодочник у переправы ждал...
Но озеро так сильно бушевало,
Что плыть нельзя им было. Осмотревшись,
Увидели они, что край богат
Прекрасным лесом, ключевой водою.

¹ Существует предание, по которому швейцарцы якобы жили некогда в Швеции. Исторической почвы это предание под собой не имеет. Свое название Швейцария получила по имени кантона Швиц.

Им чудилось, они попали вдруг
В отчизну милую. И тут осели.
И выросло средь гор селенье Швиц.
И тягот много вынести им пришлось
На раскорчевке леса под хлеба.
Потом, когда земли хватать не стало,
То часть народа двинулась на юг
До Черных гор и даже до Вайсланда —
Там, за громадой вечных льдов укрыт,
Живет другой народ, с чужою речью.
Селенье Станц построили в Кернвальде,
Селенье Альторф — у долины Ройсс,
Но общность родовую не забыли.
Среди чужих племен, что с той поры
В долинах здешних мирно водворились,
Мы без труда друг друга отличаем.
В нас кровь и сердце знать себя дают.

(Пожимает всем руки.)

Мауэр

Да, сердце в нас одно и кровь одна!

Все *(подавая друг другу руки)*

Один народ, и воля в нас едина.

Штауффахер

Немало есть народов подъяремных,
Они пред победителем смирились;
Ведь даже в нашей стороне и то
Средь поселенцев много подневольных:
Они — рабы, и дети их — рабы.
Но мы, потомки истинные Швица,
Свою свободу сберегли. Князьям
Вовек не подчинялись. Добровольно
Империю заступницей избрали.

Рессельман

Свободно встали под ее защиту,
В том грамоту сам император дал.

Штауффахер

Власть признает и тот, кто всех свободней.
Глава быть должен, наш судья верховный,
Для разрешенья всяких тяжб и споров.
И наши предки сами, добровольно,
Землей, отторгнутой у дикой чащи,
Почтили императора, главу
Всех итальянских и германских стран,
И свято обещали, как другие
Свободные империи народы,
Поддержку в войнах. Долг свободных граждан —
Державу, свой оплот, оборонять.

Мельхталь

Что сверх того, то будет признак рабства.

Штауффахер

Когда нас император призывал,
Мы под его знаменами сражались,
В Италию за государем шли¹,
Чтоб римскою всичать его короной.
Но дома сами правили собой
По собственным законам и преданьям;
А император ведал смертной карой,
И для суда он графа назначал,
Но тот жил вне страны, и призывали
Его лишь в редких случаях убийства.

¹ Германские императоры неоднократно предпринимали походы в Италию. Некоторые из них короновались в Риме.

И под открытым небом просто, ясно
Граф изрекал свой беспристрастный суд.
Где в этом всем хотя б намек на рабство?
Кто думает иначе — говори!

Г о ф

Нет, все так шло, как рассказали вы.
Доныне мы насилия не знали.

Ш т а у ф ф а х е р

Мы государю раз не подчинились,
Когда он принял сторону попов.
Ведь монастырь Айнзидельн захотел
Отнять у нас то пастбище, где мы
От дедовских времен пасли стада.
Аббат представил грамоту, по ней
Земля к монастырю переходила,
Как будто нас там вовсе не бывало.
Но мы сказали: «Грамота добыта
Нечистою уловкой. Император
Дарить не может наше же добро...
А коль империя в правах откажет,
И без нее мы проживем в горах».
Вот предков был язык! Неужто на м
Позором ига тяжкого покрыться
И от слуги чужого то сносить,
К чему не мог принудить император?
Мы эту землю заново создали
Трудами наших рук и лес дремучий,
Служивший диким логовом медведям,
В жилище человека превратили;
Мы извели раздувшихся от яда
Драконов злых, исчадия болот,
Мы вечную тумана пелену
Над этой дикой глушью разорвали;

Дробили скалы и над пропастями
Построили висячие мосты.
Наш этот край, мы им века владели —
И чтоб чужой слуга посмел явиться
Сюда, и нагло цепи нам ковать,
И нас позорить на родной земле!
Да разве нет защиты против гнета?

Сильное волнение среди крестьян.

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко поправаны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно взывает угнетенный
И все свои права там достает,
Что, неотъемлемы и нерушимы,
В выси, как звезды вечные, сияют.
Вернется первобытная пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
Мы блага высшие имеем право
Оборонять. За родину стоим,
Стоим за наших жен и за детей!

В с е (звоня мечами)

Стоим за наших жен и за детей!

Р е с с е л ь м а н (выходит на середину круга)

Но прежде чем хвататься за мечи,
Подумайте, нельзя ль договориться.
Одно лишь ваше слово — и тираны
Не притеснять, как ныне, — льстить вам будут:
Вам велено с империей порвать
И, отложившись, Австрии поддаться.

Мауэр

Что он сказал?.. Австрийцам присягнуть!

Бюгель

Не слушайте его!

Винкельрид

Изменник он,

Отчизне нашей враг!

Рединг

Друзья, спокойно!

Сева

Какой позор — австрийцам присягнуть!

Флюе

Позволить силой взять, чего добром
Отдать им не хотели!

Майер

О, тогда

Рабы мы все — и рабство заслужили!

Майер

Пусть будет прав швейцарца тот лишен,
Кто Австрии предаться нам предложит!
Я твердо, старшина, стою на том,
Чтоб это первым стало здесь законом.

Мельхталь

Да, кто предаться Австрии предложит,
Пускай лишится почестей и прав,
И пусть никто не даст ему приюта.

Все (*подымая правую руку*)

Принять такой закон!

Р е д и н г (помолчав)

Уже он принят!

Р е с с е л ь м а н

Приняв такой закон, вы уж свободны.
И Австрия насильем не добьется
Того, что мы добром ей не отдали...

И о с т В а й л е р

Приступим к делу, далее!

Р е д и н г

Друзья,

Так мирные исчерпаны все средства?
Быть может, Габсбург ничего не знает
О том, как мы страдаем от ландфохтов.
Последнее испробовать должны мы:
Прибегнуть с жалобой к нему, но если
Откажет — братья за мечи. Страшит
Насилье даже в справедливом деле.
Но в крайности господь поможет нам.

Ш т а у ф ф а х е р (Конраду Гунну)

Теперь черед за вами. Говорите!

К о н р а д Г у н н

Я в Райнфельд ездил, к Альбрехта двору,
На тяжкий гнет пожаловаться фохтов
И вольностей старинных полтвержденье
У нового главы державы взять.
От многих городов послы там были,
Из швабской и пререйнских областей,
И все они уже достали льготы
И возвращались хесело назад.

Но в аш посол к советникам был вызван,
И те ему сказали в утешенье:
«Теперь наш император очень занят,
В другое время вспомнит он о вас».
Я проходил в унынии по залам,
Вдруг вижу — герцог Иоганн¹ в сторонке
Стоит и слезы льет, а рядом с ним
Два рыцаря: фон-Тегерфельд и Варт.
И, подозвав меня, они сказали:
«Надейтесь только на себя! А правды
От Альбрехта вам нечего и ждать.
Не он ли у племянника родного
Наследье материнское похитил?
Уж герцог совершеннолетен, может
Своей страной и подданными править,
Но не венец — венок ему дал Альбрехт:
«Пусть это будет юности убором»...

Мауэр

Слыхали? Справедливости не ждите.
От Альбрехта. Надейтесь на себя!

Рединг

Нет выбора другого. Что ж, решим,
Как цели радостной с умом достигнуть.

Вальтер Фюрст
(выходит на середину круга)

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.

¹ Герцог Швабский Иоганн Паррицида.

Вы кесарево кесарю отдайте¹,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

Майер

От Австрии свой лен я получил.

Рединг

И продолжайте долг блюсти пред нею.

Иост Вайлер

Я Рапперсвейлям подати плачу.

Вальтер Фюрст

И продолжайте им платить, как встарь.

Рессельман

Я цюрихской обители дал клятву.

Вальтер Фюрст

Церковное вы церкви отдавайте.

Штауффахер

Свой лен я от империи имею.

Вальтер Фюрст

Что быть должно, да будет, но не свыше!
Мы фохтов из страны должны прогнать
С их слугами и крепости разрушить,
Без крови, если можно. Император
Пусть видит — нас заставила нужда
Нарушить нами данную присягу.
Быть может, раз останемся в границах,
Он гнев смирит, как мудрый государь.

¹ Слова Христа из евангелия, означающие, что следует воздавать должное не только богу, но и земным властям.

Народ себя заставит уважать,
Коль, взявши меч, умеренность проявит.

Р е д и н г

Но как, скажите, к делу приступить?
Ведь у врага оружие в руках,
И он, конечно, не уйдет без боя.

Ш т а у ф ф а х е р

Уйдет, когда внезапно пред собой
Увидит он народ вооруженный.

М а й е р

Сказать легко, но сделать это трудно.
Два крепких замка высятся в стране
Как вражеский оплот, что станет грозен,
Когда противник двинется на нас.
Нам надо Росбегг, Сарнен захватить
До той поры, как меч в стране подымут.

Ш т а у ф ф а х е р

Не медлите, чтоб враг не принял мер, —
Участников немало в нашей тайне.

М а й е р

Предателей в народе нашем нет.

Р е с с е л ь м а н

Случается, само усердие губит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Отсрочка приведет к тому, что фохт
Успеет крепость в Альторфе построить.

М а й е р

Вы о себе лишь помните.

Петерман

Неправда.

Майер

Неправдою нас Ури попрекает?

Рединг

Во имя клятвы, тише!

Майер

Замолчать

Придется, если Швиц горой за Ури.

Рединг

Я осудить пред общиной вас должен —
Горячностью вы вносите разлад!
Не за одно ли дело мы стоим?

Винкельрид

Нам отложить до рождества бы надо,
Когда велит обычай поселянам
Подарки фохту в замок приносить.
Туда могло бы человек двенадцать
Проникнуть, не внушая подозрений,
Клинки отточенные взяв с собой,
Заделанные каждым тайно в посох, —
С оружием не пропускают в крепость.
Вблизи, под лесом, спрячется отряд,
И только поселяне завладеют
Воротами, как рог затрубит звонкий,
И вся засада бросится на помощь.
И после легкой схватки — замок наш.

Мельхталь

А в крепость Росберг я берусь проникнуть.

Я там одной служанке приглянулся,
И, думаю, склонить ее нетрудно
Спустить мне ночью лестницу в окно,
А раз я там — за мной друзья взберутся.

Р е д и н г

Так все за то, что надо отложить?

Большинство поднимает руки.

Ш т а у ф ф а х е р (*сосчитав голоса*)
Двенадцать против, двадцать за отсрочку.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так, если в день назначенный падут
Два замка, то сигнальные костры
Взметнутся на вершинах гор. Тогда
Народное сзывайте ополчение.
И фохты, увидав, что не шутя
Швейцарцы за оружие взялись,
Страну покинут без кровопролитья,
Приняв от нас надежную охрану.

Ш т а у ф ф а х е р

Лишь с Геслером нам трудно совладать.
Всегда он стражей грозной окружен
И без кровопролитья не уступит.
В изгнание даже страшен он стране.
Щадить его, я думаю, опасно.

Б а у м г а р т е н

Где гибель ждет, туда меня пошлите!
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
С охотою за край родной отдам.
Я отомстил и сердце успокоил.

Р е д и н г

Нас время умудрит. С терпеньем ждите!
Всего нельзя сейчас предусмотреть.
Меж тем как мы ночной совет держали,
Вот утро на вершинах гор зажгло
Багряные сигнальные огни...
Здесь белый день не должен нас застигнуть.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Ночь медленно уходит из долин.

Все невольно снимают шляпы и благоговейно смотрят на зарю.

Р е с с е л ь м а н

При свете, что привет нам раньше шлет,
Чем всем народам, глубоко под нами
Живущим в тяжком чаде городов,
Скрепим мы клятвой новый наш союз.
Да будем мы народом граждан-братьев,
В грозе, в беде единым, нераздельным.

*В с е (повторяют, поднимая правые руки
с тремя поднятыми вверх пальцами)*

Да будем мы свободными, как предки,
И смерть пусть каждый рабству предпочтет.

(С тем же жестом.)

На бога да возложим упованье
Без страха пред могуществом людей.

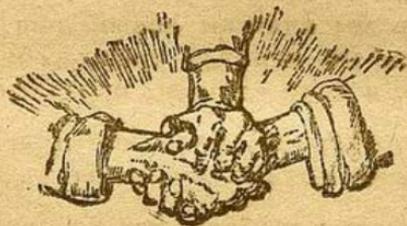
Все обнимаются друг с другом.

Ш т а у ф ф а х е р

Ну, а теперь ступай без шуму каждый
Своей дорогою к друзьям и близким.
Пастух — смотри за стадом на зимовке

И сотоварищей вербуй в союз!
До срока всё сносит терпеливо.
Пусть тиранов множится вина.
Настанет день, и с ними мы сведем
И личные и общий счет, народный.
Всяк справедливый гнев свой обуздай
И береги его для общей мести;
Добра народного не расхищай,
Всеобщим жертвуя для личной чести.

Когда все в полной тишине расходится в разные стороны, звуки оркестра врываются со все возрастающей силой. Опустевшая сцена остается некоторое время открытой. Солнце всходит над ледяными вершинами гор.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Двор при доме Телля.

Телль плотничает, Гедвига занята домашней работой. Вальтер и Вильгельм в глубине сцены играют маленьким самострелом.

Вальтер (поет)

Метки горца стрелы,
Верен лук тугой,
Вот идет он смело
По тропе крутой.

В синие просторы
Дерзко он пришел,
Где орлы да горы,
Где он сам — орел!
Пролетит ли птица,
Зверь ли пробежит —
Вмиг стрела помчится,
Наповал сразит.

(Подбегает к отцу.)

Поправь, отец! Порвалась тетива.

Т е л ь

Ну нет, стрелок поправить должен сам.

Мальчики уходят.

Г е д в и г а

Раненько дети учатся стрелять.

Т е л ь

Кто сызмала начнет, тот мастер будет.

Г е д в и г а

Дай бог не знать такого мастерства!

Т е л ь

Все надо знать им. Тот, кто хочет в жизни
Пробиться, пусть оружие берет
Для нападения и для защиты.

Г е д в и г а

Прощай семья, покой...

Т е л ь

Он мне неведом.

Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользяще гнаться.
И лишь тогда мне наслажденье жизнь,
Когда я каждый день брать должен с бою.

Г е д в и г а

А я, одна с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю,
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
А при разлуке замирает сердце —
Боюсь, что я тебя уж не увижу.
Мне чудится, меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну сшиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
А нет, смотрю — ты занесен лавиной
Иль под тобой коварный треснул лед
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, в тысяче меняющихся ликов
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит!

Т е л л ь

Кто ловок, осторожен, духом бодр,
На бога уповает, тот легко
Беду любую может побороть.
Рожденному в горах не страшны горы.
(Окончив работу, убирает инструмент.)

Ну, я на годы починил ворота.
Я с топором за плотника сойду.

(Берет шляпу.)

Гедвига

Куда собрался вновь?

Телль

Я? В Альторф, к тестю.

Гедвига

С опасным замыслом?.. Скажи, не скрой!

Телль

С чего взяла ты это?

Гедвига

Твердо знаю.

Есть заговор какой-то против фохтов.
На Рютли был совет. Ты заодно.

Телль

Я не был там... Но если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

Гедвига

Тебе укажут место поопасней.
Труднейший подвиг выпадет тебе.

Телль

По силам долг на каждого возложат.

Гедвига

Недавно Баумгартена в грозу
Ты от пегони спас... Вы уцелели,
Должно быть, чудом... Как ты не подумал
О детях и жене?

Телль

О вас я думал,
И потому-то детям спас отца.

Гедвига

По разъяренным волнам плыть! Ты бога
Поступком этим дерзким искушал

Телль

Раздумывая, много не свершишь.

Гедвига

Ты выручить всегда готов другого,
А будешь сам в беде, так не помогут.

Телль

Дай бог суметь без помощи прожить!
(Берег свой лук и две стрелы.)

Гедвига

Зачем ты самострел берешь? Оставь!

Телль

Я без него как будто бы без рук.

Мальчики возвращаются.

Вальтер

Отец, куда ты?

Телль

К дедушке, сынок...
Ты не пойдешь со мной?

Вальтер

Пойду, конечно!

Гедвига

Сейчас там Геслер. В Альторф не ходи!

Телль

Сегодня он уедет.

Гедвига

Надо выждать!

Он зол на нас, с ним лучше не встречаться.

Телль

Мне мало дела, зол он или нет.

Живу я честно, не боясь врагов.

Гедвига

Сильней всего он честных ненавидит.

Телль

За то, что к ним нельзя придраться. Впрочем,
Я думаю, меня не тронет он.

Гедвига

Ты почему так думаешь?

Телль

Недавно

Охотился я в Шехенском ущелье.

Там редко след увидишь человека.

Я шел пустынной горною тропинкой.

Где встречным трудно разминуться. Прямо

Над головой моей скала нависла,

А подо мной ревел сердито Шехен.

Мальчики прильнули к нему справа и слева и смотрят на него
с напряженным любопытством.

Вдруг мне ландфохт навстречу. Он один,

Без провожатых, был, и я один.

Лицом к лицу стоим, а подле пропасть.
Заметив, он тотчас меня узнал —
Ведь незадолго перед тем сурово
Он наказал меня за вздор ничтожный.
И видит он, я перед ним стою
С отличным самострелом. Он смутился
И побледнел, колени задрожали.
Мгновение — фохт упадет с утеса.
И жалок он мне стал, и подошел
Почтительно к нему я со словами:
«Ведь это я, приказывайте, фохт».
Он ничего на это, лишь рукой
Мне подал знак итти своей дорогой.
Уйдя, я свиту вслед за ним послал.

Гедвига

Он задрожал перед тобой... Смотри!
Позора он вовек не позабудет.

Телль

Я встречи не ищу, и он не ищет.

Гедвига

Останься, Телль. А нет, в горах укройся.

Телль

Да что с тобой?

Гедвига

Тоскливо мне. Останься!

Телль

Зачем себя ты мучишь без причины?

Гедвига

Пусть без причины... Но останься, Телль.

Телль

Нельзя, я слово дал притти, родная.

Гедвига

Ты должен, — что ж, иди... Оставь мне сына.

Вальтер

Нет, мамочка! С отцом я собрался.

Гедвига

Ты хочешь мать свою оставить, Вельти?

Вальтер

Подарок я от деда принесу.

(Уходит с отцом.)

Вильгельм

Но я с тобою, мама!

Гедвига *(обнимая его)*

Милый мой,

Один ты у меня теперь остался!

(Идет к воротам и долгим взглядом провожает уходящих.)

Сцена вторая

Дикое, уединенное место в лесу. С утесов низвергаются потоки воды. Берта в охотничьем костюме. Вслед за нею Руденц.

Берта

Идет. Теперь мы сможем объясниться.

Руденц *(быстро входит)*

Вот, наконец-то мы наедине!

Свой приговор произнесите мне.

Мы без свидетелей, в лесной глуши —
Я сердце облегчу в ее тиши.

Берта

Но далеко ль охотники отсюда?

Руденц

Там, далеко... Теперь или никогда!
Я дорогой воспользуюсь минутой —
Судьба моя должна решиться тут,
Хотя бы я навеки вас лишился.
Но отчего так строго на меня
Обычно кроткий взгляд вы устремили?
Кто я такой, чтоб сметь о вас мечтать?
Меня еще не увенчала слава,
Мне далеко до рыцарей, что вас,
Блестящая доблестями, окружают.
Любовь и верность — все, чем я богат.

Берта (*со строгой важностью*)

Вы о любви и верности твердите,
Готовясь изменить святому долгу?

Руденц отступает.

Раб Австрии, продавшийся врагам
И угнетателям своей отчизны?

Руденц

От вас ли слышу я такой упрек?
Кого же я другого там искал?

Берта

Так вы среди изменников меня
Надеялись найти? Скорей бы руку
Я Геслеру-тирану отдала,

Чем отщепенцу родины своей,
Орудию слепому чужеземца.

Руденц

О боже, что я слышу?

Берта

Разве есть

На свете что-нибудь милей отчизны?
Есть разве долг прекрасней, благородней,
Чем быть щитом безвинного народа
И угнетенных защищать права?
Душа моя скорбит за ваш народ;
Я с ним страдаю заодно, ведь я
Люблю его — он кроток, хоть могуч,
И с каждым днем в душе моей растут
Привязанность к нему и уваженье.
А вы, кого долг рыцаря, природа
В защитники назначили ему,
Вы бросили его, врагам предались
И с ними цепи родине куете!
Мне больно, я от ненависти к вам
С трудом свое удерживаю сердце.

Руденц

А я народу блага не хочу?
Ему под мощным скипетром австрийским
Мир...

Берта

Рабство вы готовите ему!
Свободу из последней на земле
Ее твердыни вы изгнать хотите.
Где счастье для народа, лучше видит
Он сам, его спасает здравый смысл.
А вы в тенета с головой попали...

Руденц

Так я презренья, ненависти стою?

Берта

О, если б так! Но видеть вас достойным
Презренья, видеть, как вас презирают,
Когда б любить вас...

Руденц

Берта! Берта! Вы

То радостью поманите небесной,
То сбросите с той высоты чудесной.

Берта

Нет, нет, в вас благородство не угасло.
Оно лишь дремлет — я его бужу.
Насильно вы хотели заглушить
В себе к добру врожденное стремленье;
Но благо вам, оно сильнее вас,
Наперекор себе вы благородны!

Руденц

Вы верите еще в меня! О Берта,
С любовью вашей стать могу я всем!

Берта

Природе вашей верность сохраните.
Займите вам назначенное место!
За свой народ, за родину восстаньте,
Боритесь за святые их права!

Руденц

О горе! Разве я вас не лишусь,
Когда я против Австрии восстану?

Вы от родных зависите — хотят
Они ведь замуж выдать вас насильно.

Берта

В лесных кантонах все мои владенья, —
Швейцарца вольность станет и моей.

Руденц

Ах, до чего теперь все ясно стало!

Берта

Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев. Нет, немало
Охотников там до моих поместий.
Захватчики и вас поработят,
И мне грозят неволей самой тяжкой.
О друг, я жертвой быть обречена.
Чтоб фаворита мною наградить,
Средь лжи двора меня заставят жить.
Печальная мне доля суждена.
Брак ненавистный мне скует оковы.
Спасайте же, любя... для жизни новой!

Руденц

Так вы решились бы остаться здесь —
В моей отчизне быть моей женой?
О Берта, целью всех моих стремлений,
Желаний всех ведь были только вы!
Я вас одну искал на поле славы
И жаждал почестей из-за любви.
Но если вы в долине безмятежной
Решаетесь со мною поселиться,
Блестящий свет покинув, я у цели.
И пусть тогда мятежной жизни волны
Бушуют у подножья этих гор!

На миг один не проблеснет желанье,
Что увлекало бы меня в ту даль.
Тогда пускай вокруг сомкнутся скалы
Глухой стеной — мне ничего не жаль.
Нас ждет в долине этой сокровенной,
Открытой небу, счастье всей вселенной.

Б е р т а

Таким я видела тебя в мечтах,
Я верила в тебя — и не ошиблась!

Р у д е н ц

Прочь от меня, тщеславный призрак, лживый!
Я счастье здесь, на родине, найду.
Где мальчиком я расцветал беспечно,
Где радости былые нас пленяют,
Где родники знакомые играют,
В моей отчизне станешь ты моей!
О, я всегда любил свой край, а радость
На родине любая нам мидей.

Б е р т а

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Невинности желанный, чудный край,
Где древней верности заветы живы,
Где лицемерье не свило гнезда...
Тут зависть наше счастье не отравит,
И безмятежные нас ждут года.
И вижу я тебя в рассвете сил
И первым среди равных и свободных;
Любовь народную ты заслужил
Величием деяний благородных.

Р у д е н ц

И вижу я тебя, венец всех жен,
Заботливой и нежною подругой.

Небесным я блаженством упоен,
Мне жизнь — весна с тобой, моей супругой.
Ты всюду прелесть вносишь, милый друг,
И все живишь и радуешь вокруг.

Берта

Мой милый, горько было видеть мне,
Что это счастье высшее ты губишь.
Увы! Легко ли было бы, мой друг,
Последовать за рыцарем надменным,
Губителем страны, в угрюмый замок!
Здесь замков нет. Не отделяют стены
Нас от народа. И ему отныне
Мы оба служим.

Руденц

Как же сбросить петлю,
Которую я на себя накинул?

Берта

Ее ты мужественно разорви!
Что б ни было... с народом оставайся!
Ты к этому рождению предназначен.

Издали доносится звук охотничьих рогов.

Трубят охотники... Расстанемся... Сразься
За родину, ты за любовь сразисься,
Нам враг один и тот же угрожает,
Одна свобода всех освободит.

Расходятся.

Сцена третья

Луг возле Альторфа. На переднем плане деревья. В глубине на склоне висит шляпа. Перспектива замыкается покрытой заповедным лесом горой, над которой висит цепь снежных вершин.

Фрисгард и Лейтхольд стоят на страже.

Фрисгард

Мы караулим зря. Никто сюда
Отдать почтенье шляпе не заходит.
Бывало, как на ярмарке, народ
Толпился здесь. Но стал пустыней луг,
Когда на жерди чучело повисло.

Лейтхольд

К досаде нашей, только сброд один
В дырявых шапках мимо нас проходит.
А кто почище, те скорее крюку
Изрядного дадут, чтоб мимо шляпы
Не проходить и спин пред ней не гнуть.

Фрисгард

А все ж по этой площади сегодня
Из ратуши пришлось итти народу.
Ну, думаю, улов богатый будет —
Ведь никому до шляпы дела нет.
Но Рессельман, их поп, умом раскинул —
Как раз он шел с дарами от больного, —
У нашей шляпы он остановился,
А клирик в колокольчик зазвонил...
И на колени стали все¹, я тоже —
Перед дарами, но не перед шляпой.

¹ При встрече со священником, несущим дары для причащения больного, у католиков полагается преклонять колена.

Лейтхольд

Приятель, что-то мне сдается, знаешь.
Позорный столб для нас же — шест со шляпой.
Ведь это срам для доброго вояки
Быть на посту перед пустою шляпой...
За это все нас вправе презирать.
Отвешивать поклоны перед шляпой —
Поверь! — дурацкий это, брат, приказ!

Фрисгард

Подумасшь, перед пустою шляпой!
Ты ж кланяешься голове пустой.

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета входят с детьми
и становятся вокруг столба.

Лейтхольд

Я вижу, ты услужливый бездельник,
И добрый люд гонлечь в беду ты рад.
По мне, или кто хочет мимо шляпы.
Сквозь пальцы буду я на все смотреть.

Мехтгильда

Вон фохт висит... Почтенья больше, дети!

Эльсбета

Убраться бы ему, оставив шляпу.
Стране от этого не хуже было б!

Фрисгард (прогоняя их)

Что стали? Прочь, проклятое бабье!
Кто звал вас? Вы мужей сюда приплите,
Их подстрекнув претивиться приказу.

Женщины уходят.

Входит Телль с самострелом, ведя сына за руку. Они проходят на авансцену, не обращая внимания на шляпу.

Вальтер (показывая на гору, покрытую
заповедным лесом)

Не правда ли, отец, там, на горе,
Как топором по дереву ударишь,
Из раны брызнет кровь?

Телль

А кто сказал?

Вальтер

Пастух... Там заколдованы деревья.
И говорят, у тех, кто им вредил,
Одна рука из гроба прорастала.

Телль

Да, заколдованы деревья, верно.
Вон видишь там вершины снеговые,
Те, что уходят ввысь, за облака?

Вальтер

То ледники. Они гремят ночами.
На нас оттуда катятся лавины.

Телль

Так вот, давно б тяжелые лавины
Засыпали селенье наше Альторф,
Но их встречает грудью этот лес,
Противоборствуя, как рать живая.

Вальтер (немного подумав)

Отец, а есть края, где нету гор?

Телль

Спускаясь с наших гор все ниже, ниже,
Течению следуя потоков бурных,
Доходишь до равнины необъятной,
Где, пенясь, не шумят лесные воды,
Но реки тихо, безмятежно льются;
Там ширь спокойная другой природы,
Куда хватает глаз — повсюду нивы,
И вся страна, как сад большой, красивый.

Вальтер

Так почему, отец, мы не сойдем
Скорее вниз, в ту чудную страну,
Чем жить в напрасных муках и тревоге?

Телль

Прекрасен край, благословенный небом.
Но кто возделывает землю там,
Не пользуется жатвой.

Вальтер

Не живет
Свободно на своей земле, как ты?

Телль

Там вся земля — у короля и церкви.

Вальтер

Но ведь в лесах охотятся свободно?

Телль

Пернатые и зверь — добро господ.

Вальтер

Но в реках ведь свободно ловят рыбу?

Телль

Река и море, соль — всё короля.

Вальтер

Кто ж этот страшный каждому король?

Телль

Он — подданных защитник и кормилец.

Вальтер

Не могут, что ли, сами защититься?

Телль

Соседу там довериться нельзя.

Вальтер

В стране широкой тесно будет мне.
Уж лучше пусть над головой лавины.

Телль

Да, правда, сын, уж лучше за спиной
Пусть будут ледники, чем злые люди.

Хотят пройти мимо.

Вальтер

Отец, смотри-ка, шляпа на шесте!

Телль

Что нам до шляпы? Поедем, сынок!

Хочет идти, но Фрисгард преграждает ему копьём дорогу.

Фрисгард

Во имя императора! Ни с места!

Телль *(хватаясь за копье)*

Да что вам нужно? Что все это значит?

Фрисгард

Приказ нарушен. Следуйте за нами.

Лейтхольд

Почтения не отдали вы шляпе.

Телль

Пусти, приятель!

Фрисгард

Нет, в тюрьму! В тюрьму!

Вальтер

Отца в тюрьму? На помощь! Помогите!

(Кричит за сцену.)

Эй, люди добрые, сюда, скорее!

Насилие! Его ведут в тюрьму!

Священник Рессельман и клирик Петерман появляются с
тремя поселянами.

Петерман

Что тут у вас?

Рессельман

Зачем его ты держишь?

Фрисгард

Враг императора, изменник он!

Телль *(хватает его)*

Изменник? Я?

Рессельман

Приятель, ты ошибся!
Ведь это Телль, достойный гражданин!

Вальтер *(замечает Вальтера Фюрста
и устремляется к нему навстречу)*

На помощь, дедушка! Отца схватили!

Фрисгард

В тюрьму его!

Вальтер Фюрст *(подбегая)*

Я за него ручаюсь!
Что тут случилось? Ради бога, Телль!

Входят Мельхталь и Штауффахер.

Фрисгард

Ландфохта власть он признавать не хочет,
Ослушник этот ею пренебрег.

Штауффахер

Как, это сделал Телль?

Мельхталь

Ты лжешь, злодей!

Лейтхольд

Почтения он шляпе не воздал.

Вальтер Фюрст

За это-то его в тюрьму? Приятель,
Я за него ручаюсь, отпусти!

Фрисгард

Ты за свою, старик, ручайся шкуру!
Мы делаем, что служба нам велит.

Мельхталь

Да это вопиющее насилие!
Неужто нагло уведут его?

Петерман

Нет, мы сильнее! Друзья, не выдавать!
Один за всех — и все за одного!

Фрисгард

Так вы — противиться приказу фохта?

Трое поселян (вбегая)

Мы вам поможем. Что тут? Бейте их!

Гильдегарда, Мектгильда и Эльсбета возвращаются.

Телль

Я справлюсь сам. Ступайте по домам.
Когда я к силе захочу прибегнуть,
Вы думаете, копий устрасусь?

Мельхталь (Фрисгарду)

Посмей-ка увести его от нас!
Вальтер Фюрст и Штауффахер
Оставьте! Тише!

Фрисгард (кричит)

Бунт! Мятеж, мятеж!
Слышны охотничьи рога.

Женщины

Ландфоxt, ландфоxt к нам едет!

Фрисгард *(еще громче)*

Бунт! Мятеж!

Штауффахер

Кричи, пока не лопнешь!

Рессельман и Мельхталь

Замолчишь ты?

Фрисгард *(во все горло)*

Сюда, слуге закона помогите!

Вальтер Фюрст

Вот и ландфохт! Беда! Что с нами будет?

Геслер верхом, с соколом на руке, Рудольф Гаррас, Берга, Руденц и вооруженная охрана из наемников. На сцене вырастает лес копий.

Рудольф Гаррас

Дорогу фохту дайте!

Геслер

Разогнать их!

Что тут за сборище? Кто звал на помощь?

Все молчат.

Ну, кто же? Отвечайте мне!

(Фрисгарду.)

Вперед!

Кто ты такой, зачем его ты держишь?

(Передаст сокола слуге.)

Фрисгард

О господин, я верный воин твой
И часовым поставлен здесь у шляпы.

Вон тот на месте преступления пойман.
Он отказался шляпе поклониться
И, по приказу, был задержан мной,
А чернь отнять его хотела силой.

Г е с л е р (помолчав)

Неужто императором и мной,
Наместником, ты так пренебрегаешь,
Что шляпу ты не захотел почтить,
Которой я испытываю вас?
Злой умысел ты этим выдал свой.

Т е л л ь

Простите, сударь! Я не из презренья,
Но легкомысленно приказ нарушил.
Будь я рассудлив. Теллем не звался бы¹.
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Г е с л е р (помолчав)

Ты мастерски владеешь луком, Телль,
И в меткости ведь лучшим не уступишь?

В а л ь т е р

Да, это правда, с яблони собьет
Мне яблоко отец хоть в ста шагах.

Г е с л е р

Что, это сын твой, Телль?

Т е л л ь

Да, мой сынок.

¹ Намек на созвучие «Tell» и «toll», что значит «бешеный», «шаловой».

Геслер

А есть еще?

Телль

Их двое у меня.

Геслер

Которого ты сына больше любишь?

Телль

Они мне оба дороги равно.

Геслер

Ну, если с яблони ты в ста шагах
Сбиваешь яблоко, то покажи мне
Свое искусство, Телль. Возьми свой лук...
Да, при тебе он, впрочем... С головы
У сына яблоко сшиби стрелой...
Но я советую, получше целясь
И первой же стрелою попади;
А промахнешься — голову долой.

Все поражены ужасом.

Телль

Чудовищный вы отдали приказ...
Неужто вправду?... С головы сыновней...
Нет, сударь, нет, вам это не могло
Притти на ум... Нет, боже упаси
Всерьез отцу такой приказ отдать!

Геслер

Ты яблоко у сына с головы
Собьешь... как я того хочу, ты слышишь?

Телль

И чтоб отец родной в головку сына
Пустил стрелу... Чем это, лучше смерть!

Геслер

Стреляй, не то погибнешь ты и сын твой!

Телль

Мне стать, убийцей своего ребенка!
Как видно, нет у вас детей... Понять
Вам не дано родительское сердце.

Геслер

Э, Телль, как вдруг ты стал благоразумен!
Мне говорили, ты большой мечтатель,
Живешь не так, как все другие люди...
Что почудней, ты любишь... оттого
Я по тебе такой и подвиг выбрал.
Другой задумался бы, ты же смело,
Закрыв глаза, решаешься на все.

Берта

О, не шутите так с народом, сударь!
Они бледны, дрожат. Им непривычно
От вас затейливые шутки слушать.

Геслер

А кто сказал вам, будто я шучу?

(Срывает яблоко с висящей над ним ветки.)

Вот яблоко... Посторонитесь, живо!
Шаги отмерить! Восемьдесят хватит.
Не больше и не меньше. Он хвалился,
Что в ста шагах срывает любую цель.
Ну, так стреляй, без промаха, однако!

Рудольф Гаррас

О боже... Это уж не шутка... Мальчик,
Ты вымоли пощаду на коленях!

Вальтер Фюрст *(тихо Мельхталю,
который с трудом сдерживается)*

Сдержитесь, Мельхталь, я вас умоляю!

Берта *(ландфохту)*

Довольно, сударь! О, бесчеловечно
Так чувствами отца играть. Уж если
Бедняга за проступок свой ничтожный
И должен быть казнен, то он, о боже,
Десятикратно муки смерти вынес.
Пусть в хижину свою он невредимо
Вернется. Вас он знает! Этот час
И Телль и правнуки его запомнят.

Геслер

Дорогу дайте... Что ты медлишь, Телль?
Ты виноват, тебя казнить я вправе;
Но милостиво я твою судьбу
Искусству рук твоих же доверяю.
Нельзя роптать на приговор суровый
Тому, кто сам своей судьбы хозяин.
Ты метким глазом похвалялся. Ладно!
Так покажи, стрелок, свое искусство;
Достойна цель, награда велика!
Попасть стрелою в черный круг мишени
Сумеет и другой, но мастер тот,
Кому его искусство не изменит,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

Вальтер Фюрст (бросаясь перед
Геслером на колени)

О господин наместник, мы вас чтим,
Но пощадите! Я вам половину
Отдам добра, возьмите даже все,
Избавьте лишь отца от страшных мук!

Вальтер Телль

Не падай, дедушка, перед ландфохтом злым!
Скажите, где мне стать? Я не робею.
Ведь мой отец бьет птицу на лету,
Он сердце не пронзит родного сына.

Штауффахер

И вас не тронет детская невинность?

Рессельман

Есть бог на небесах, и перед ним
В своих делах отчет вы отдадите!

Геслер (указывая на мальчика)

Живей сына привязывайте к липе!

Вальтер Телль

Привязывать? Меня? Я не хочу!
Я, как ягненок, тихо, чуть дыша,
Стоять там буду. Если же меня
Привяжете, я буду отбиваться.

Рудольф Гаррас

Дай, мальчик, завязать себе глаза.

Вальтер Телль

Зачем? Вы думаете, испугаюсь
Стрелы, что полетит из рук отца?

Я твердо жду ее и не сморгну.
Так докажи, отец, что ты стрелок!
Не верит изверг, погубить нас хочет...
Назло ему стреляй и попади!

(Идет к лице.)

Ему на голову кладут яблоко.

Мельхталь *(поселянам)*

Как! На глазах пред нами совершится
Злодейство это? Где же наша клятва?

Штауффахер

Напрасно всё, ведь мы все безоружны
И лесом копий тут окружены.

Мельхталь

О, если б мы тогда взяли за дело!
Прости, господь, отсрочку предложившим!

Геслер *(Теллю)*

Ну, к делу! Зря оружие не носят.
Опасно с ним ходить везде и всюду —
Стрела, отпрянув, поразит стрелка.
Такая дерзость поселян — обида
Верховному властителю страны.
Лишь господа ходить с оружием вправе.
Вы лук и стрелы любите носить —
Пусть так, но вот тебе для них мишень.

Телль *(натягивает лук и закладывает
стрелу)*

Посторонитесь, люди!

Штауффахер

Что вы, Телль!
Хотите... Ни за что!.. Возбуждены вы,
Колени гнутся, и рука дрожит.

Телль (опуская лук)

В глазах мутится!

Женщины

Милостивый боже!

Телль (ландфохту)

Не буду я стрелять — вот грудь моя!

(Обнажает грудь.)

Велите рейтарам ее пронзить!

Геслер

Не жизнь твоя, но выстрел твой мне нужен.
Ты духом тверд, тебе доступно все.
Отлично ты владеешь самострелом.
За руль берешься, не страшась грозы.
Теперь, спаситель всех, себя спасай!

Телль стоит, выказывая страшную внутреннюю борьбу. Руки его дрожат, сверкающий взор то обращен на ландфохта, то возносится к небу. Вдруг он хватает свой колчан, выдергивает оттуда еще одну стрелу и прячет ее за пазуху. Геслер следит за всеми его движениями.

Вальтер Телль

Стреляй, отец! Я не боюсь!

Телль

Что ж, надо!
(Овладевает собой и начинает целиться.)

Руденц (все время стоявший в напряженном ожидании и с трудом сдерживавший себя, выступает вперед)

Довольно, фохт! Прошу вас, прекратите!
Все это было только испытанием...
И цели вы достигли. Но суровость
Излишняя вредит разумной цели —
Натянутый сверх меры, треснет лук.

Геслер

Прошу молчать!

Руденц

Нет! Буду говорить!
Честь Габсбургов священна для меня,
Но ненависть легко снискать насильем,
А этого не хочет император.
Жестокости такой не заслужил
Народ мой, нет у вас на это прав.

Геслер

И вы осмелились!

Руденц

Да, я молчал,
Бесчинства над народом наблюдая;
Я закрывал на все свои глаза

И заглушал в моей груди страданья
Томимого тоскэй и гневом сердца.
Но долее молчать изменой было б
И Габсбургам и родине моей.

Берга *(бросаясь между ландфохтом
и Руденцом)*

Он только пуще разъярится, Руденц!

Руденц

Я свой народ покинул, от родных
Отрекся. И естественные узы
Я разорвал, чтоб только к вам примкнуть.
Я думал благу общему помочь,
Власть императора в стране усилил.
Теперь повязка с глаз моих упала,
И в ужасе над бездной я стою.
Я верил вам и был обманут вами.
Вы сердце честное опутали... И я
С благим намереньем губил народ мой.

Геслер

И ты дерзишь так нагло господину?

Руденц

Мой господин не вы, а император...
Свободен я, и рыцарская доблесть
Моя, уверен, не уступит вашей.
Во имя императора вы здесь,
И хоть позорите вы это имя,
Я чту его, иначе бы перчатку
Я бросил вам, потребовав к ответу.

Что ж, дайте знак своей охране, я
Не безоружен, как они...

(Указывая на народ.)

Со мной
Мой добрый меч, пусть...

Штауффахер *(кричит)*

Яблоко упало!

Пока внимание было привлечено к ландфохту и Руденду, между которыми стала Берта, Тель пустил стрелу.

Рессельман

А мальчик жив!

Голоса

Тель в яблоко попал!

Вальтер Фюрст, слабея, готов упасть, но Берта его поддерживает.

Геслер *(пораженный)*

Как, он стрелял? Неужто? Вот безумец!

Берта

Ребенок жив!

(Вальтеру Фюрсту.)

Опомнитесь же, старец.

Вальтер Телль (*подбегая с яблоком*)

Отец, вот яблоко... Я говорил.—

Ты сына своего не можешь ранить!

Телль стоит, подавшись вперед, как бы устремляясь за полетом стрелы. Лук выпадает у него из рук. Увидя подбегającego к нему сына, он бросается к нему с распростертыми объятиями и с жаром прижимает его к сердцу, приподымая от земли; ноги его подкашиваются, и он падает на землю. Все растроганы.

Берта

О милостивый боже!

Вальтер Фюрст (*зятю и внуку*)

Дети! Дети!

Штауффахер

Хвала всевышнему!

Лейтхольд

Вот это выстрел!

О нем вовек преданья не умолкнут.

Гаррас

Рассказывать про выстрел Телля будут,
Пока стоят твердыни этих гор.

(Подает ландфохту яблоко.)

Геслер

Он в сердцевину яблока попал!

Да, выстрел меткий, надобно признаться.

Рессельман

Хорош был выстрел! Горе же тому,
Кто бога им испытывать заставил.

Штауффахер

Опомнитесь и встаньте, Телль. Добыли
Вы мужеством свободу. Дома ждут вас.

Рессельман

Идите ж, к матери ведите сына.

Хотят увести его.

Геслер

Стой, Телль!

Телль (возвращаясь)

Что вам угодно приказать?

Геслер

Из своего колчана две стрелы
Ты вынул, Телль... Да, да, не отпирайся,
Я видел сам... Зачем ты это сделал?

Телль (в замешательстве)

Так исстари ведется у стрелков.

Геслер

Нет, я не верю твоему ответу.
Здесь замысел, как видно, был другой.
Ты мне признайся, Телль, чистосердечно.

Что б ни было. я не казню тебя.
Скажи, зачем стрелу другую спрятал?

Телль

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду, без утайки.

*(Достает стрелу и устремляет на дандфохта
страшный взгляд.)*

Стрелою этой я пронзил бы... в а с,
Когда б случайно я попал в ребенка,
И знайте: тут бы я не промахнулся.

Геслер

Ну, ладно, Телль! Я жизнь тебе дарю
И рыцарского слова не нарушу...
Но злобные намеренья ты выдал,
И я велю тебя туда упрятать,
Где ты и с солнцем и луной простишься.
Так верно я от стрел твоих спасусь.
Схватить его! Связать!

Телля вяжут.

Штауффахер

Как, господин!

Вы человека бросите в темницу,
Которого рука творца спасла?

Геслер

Посмотрим, как она спасет вторично.
Эй, отвести его ко мне на судно!
Я сам хочу доставить Телля в Кюснахт.

Рессельман

Нет, это грамотам противоречит!

Геслер

А где они? Их разве подтвердил
Наш император? Нет, такую милость
Покорностью вам надо заслужить.
Бунтовщики вы против государя,
Лелеете надежду на мятеж.
Я знаю вас... я вижу вас насквозь...
Я выхватил его из всей толпы,
Но знаю, все к его вине причастны.
Тот, кто умен, учись позинovenью.

Он удаляется, за ним следуют Берта, Руленц, Гаррас и слуги.
Фрисгард и Лейтхольд остаются.

Вальтер Фюрст (в отчаянии)

Пропало все! Фохт погубить решил
Меня со всей семьей заодно.

Штауффахер (Теллю)

И надо ж было изверга дразнить!

Телль

Кто сдержится, мой изведав муки?

Штауффахер

Теперь конец всему, конец! Мы все,
Вас потеряв, окованы цепями!

Крестьяне (окружив Телля)

Исчезнет с вами вся надежда, Телль!

Лейтхольд (подойдя к Теллю)
Телль, жаль мне вас, да что же делать —
служба.

Телль

Прощайте!

Вальтер Телль (в сильном горе
прижимаясь к отцу)

Мой отец! Отец! Отец!

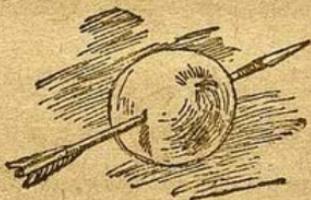
Телль (вознеся руки к небу)
Там твой отец! Ему молись, дитя!

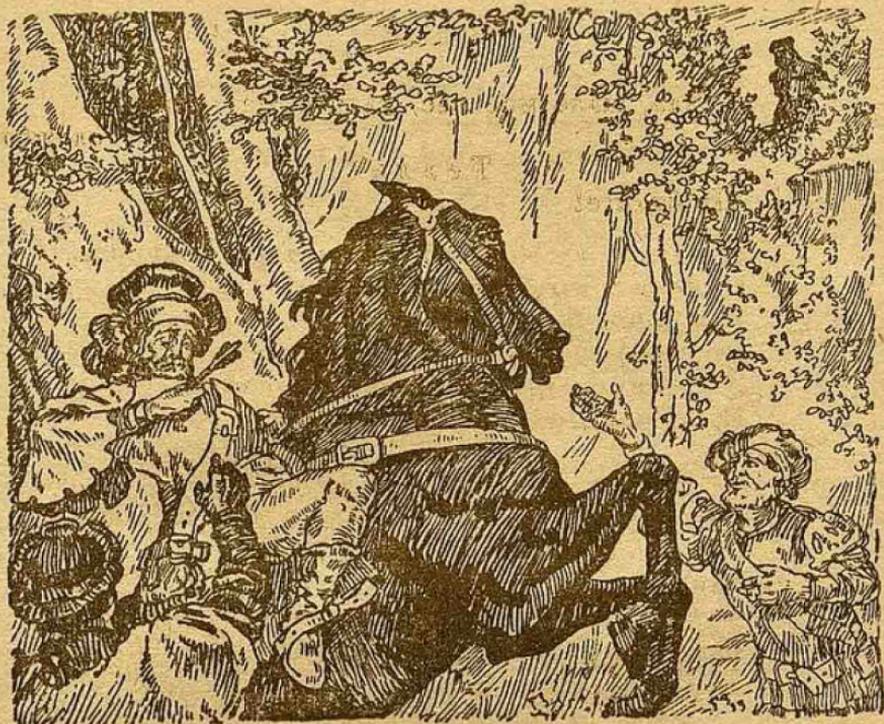
Штауффахер

Что вы жене хотите передать?

Телль (с горячей нежностью прижимая
сына к груди)

Сын невредим, а мне господь поможет.
(Покидает их и уходит под стражей.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

Восточный берег Фирвальдштетского озера. Причудливые крутые скалы в глубине сцены. На озере волнение. Слышен рев бушующих дожд. По временам сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и его сын.

Кунц

Поверьте мне, я сам все это видел.
Все так произошло, как я сказал.

Рыбак

В оковах Телль и в Кюснахт отвезен.
По доблестям он — первый в нашем крае
И вольности оплотом был бы здесь.

Кунц

С ним сам ландфохт отправился в дорогу.
Они уже готовились отплыть,
Как я из Флюельна отчалил. Буря —
Она, глядите, вон как разыгралась —
Заставила меня сюда пристать
И, видимо, их тоже задержала.

Рыбак

Под стражей Телль, во власти у ландфохта!
О, тот его упрячет так глубоко,
Что он луча дневного не увидит!
Фохт побоится справедливой мести —
Ведь мужа он свободного разгневал.

Кунц

Как слышно, благородный Аттингаузен,
Наш старшина почтенный, умирает.

Рыбак

Итак, надежды нашей сломан якорь!
Ведь только старый рыцарь без боязни
Вступался за народные права!

Кунц

Гроза сильнее буйствует. Прощайте!
В деревне я переночую; нынче
Мне об отъезде нечего и думать.

(Уходит.)

Рыбак

В оковах Телль, и при смерти барон!
Наглейте же, надменные тираны!
Прочь всякий стыд! Язык у правды нем,
А зоркие глаза ослеплены,
И руки, что спасти должны, — в оковах!

Мальчик

Посыпал крупный град. Зайдем, отец,
В избушку нашу, не стоять же здесь.

Рыбак

Бушуйте, ветры! Молнии, пылайте!
Гремите, тучи! Затопляйте землю,
Небесные потоки! Пусть погибнут
Зародыши градущих поколений!
Стихии дикие, царите здесь!
Медведь и волк матерый, возвращайтесь
Сюда, в пустыню, — ваша вновь страна!
Да станут ли здесь люди жить рабами?

Мальчик

Все злей пучина, а водоворот
И стонет и рычит, как никогда!

Рыбак

Пусть стрелу в родного сына — ужас!
Нет, к этому отцов не принуждали!
Ну как природе тут не разъяриться
И не восстать? О, я не удивлюсь
Коль в озеро обрушатся утесы,
А те зубцы и башни ледяные,
Не таявшие с первых дней творенья,
Растопятся и потекут рекою,

И горы рухнут, и тотчас же воды
Подземные вторым потопом хлынут,
И всякая земная тварь погибнет!

Слышен колокольный звон.

М а л ь ч и к

Прислушайся, на той горе звонят.
Оттуда лодку тонущую видят
И вот зовут молиться о несчастных.

(Взбирается на утес.)

Р ы б а к

Беда теперь суденышку, что там
Качается в ужасной колыбели.
Беспомощны и руль и рулевой!
Гроза всеильна, ветер и волна
Его, как мяч, кидают, и вблизи
Не отыскать укромного приюта.
Повсюду лишь обрывистые скалы
Вдоль берега, угрюмые, крутые,
Грудь каменную грозно подставляют.

М а л ь ч и к *(указывая влево)*

Вон судно завиднелось вдалеке.

Р ы б а к

Помилуй бог несчастных! Если буря
Сюда, в залив скалистый, залетает.
То, как в железной клетке хищный зверь,
Она бушует здесь и с диким воем
Напрасно выхода отсюда ищет.
Кругом стоят могучие утесы
И разыграться ей тут не дают.

(Подымается на утес.)

М а л ь ч и к

Отец, да это Геслерово судно —
По флагу и по алому навесу.

Р ы б а к

О боже правый! Сын, ты не ошибся.
Да, это фохта судно. В нем плывет
Он сам с невинной жертвою своей.
И скоро же настиг небесный мститель
Наместника — есть и над ним судья!
Веленьям фохта волны не внимают.
Пред шляпою его не склонят глав
Гранитные утесы... Не молись,
Мой сын! Пусть божий суд над ним свершится!

М а л ь ч и к

Я за ландfoxта не молюсь — за Телля,
Который с ним находится на судне.

Р ы б а к

Слепая, неразумная стихия!
Чтоб одного злодея покарать,
Ты весь корабль и рулевого губишь!

М а л ь ч и к

Смотри, отец, они вон ту скалу
Прошли счастливо, но могучий вихрь
От Тойфельсмяунстера погнал обратно
Их бот гребной к Большому Аксенбергу.
И вот из глаз пропали...

Р ы б а к

Там скала,
Где не одно уже погибло судно.

Коль не сумеют обойти ее,
То разобьются об утес отвесный,
Что круто в страшную уходит глубь.
Но с ними едет рулевой отличный..
Спасти теперь их мог бы только Телль,
Да у него оковы на руках.

Входит Вильгельм Телль с самострелом. Он идет быстрыми шагами: с удивлением озирается вокруг и выказывает сильное волнение. Дойдя до середины сцены, он бросается на землю и сначала простирает руки вперед, а затем подымает их к небу.

М а л ь ч и к (замечает его)

Отец, не знаешь, кто там на коленях?

Р ы б а к

Гляди, он землю трогает руками.
Он странен, право... Будто вне себя.

М а л ь ч и к (подходит ближе)

Да это, знаешь... Посмотри, отец!

Р ы б а к (приближаясь)

Кто это?.. Боже! Неужели Телль?
Как вы сюда попали? Говорите!

М а л ь ч и к

Ведь вы на судне, связанный, лежали?

Р ы б а к

И в Кюснахт вас везли, ведь это правда?

Т е л ь (встает)

Свободен я.

Р ы б а к и е г о с ы н

Свободны! Вот так чудо!

М а л ь ч и к

Откуда вы сейчас?

Т е л ь

Из лодки.

Р ы б а к

Что?

М а л ь ч и к *(одновременно с отцом)*

Ну, а ландфохт?

Т е л ь

Его по волнам носит.

Р ы б а к

Возможно ли? А вы... на берегу?
От бури вы спаслись и от цепей?

Т е л ь

Господь помог мне!.. Вот как это было.

Р ы б а к и е г о с ы н

Скорей, скорей!

Т е л ь

Известно ль вам, рыбак,
Что в Альторфе случилось?

Р ы б а к

Да, известно.

Т е л ь

Так вот, наш фохт велел меня связать
И сам решил со мною в Кюснахт ехать.

Рыбак

Во Флюельне он с вами в лодку сел.
Мы знаем всё. Но как же вы спаслись?

Телль

Я в лодке, крепко связанный, лежал,
Беспомощный, покинутый.. И в мыслях
Я навсегда прощался с белым светом,
С женою и детьми. Я безнадежно
Смотрел вокруг на водную пустыню.

Рыбак

Бедняга!

Телль

В путь мы тронулись — ландфохт,
Его конюший Гаррас и гребцы.
А мой колчан и верный самострел
Лежали на корме у рулевого.
И вот, едва успели поровняться
Мы с Малым Аксенбергом, как внезапно
Такой жестокий, смертоносный вихрь
Примчался из ущелий Сен-Готарда,
Что у гребцов дух занялся от страха
И всем казалось — гибель неизбежна.
Вдруг слышу я, ландфохту говорит
Один из слуг его: «Ах, ваша милость,
Попали мы в ужасную беду,
И смерть уже в глаза нам заглянула.
В смятении гребцы и рулевой
Не знают, что им делать, растерялись,
И путь, как видно, мало им знаком.
Но с нами Телль, силач и добрый кормчий,
Так не прибегнуть ли к нему в беде?»
Тогда сказал мне фохт: «Когда от бури
Берешься, Телль, спасти нас, я велю

Тебя от уз освободить». На это
Я отвечал: «Да, сударь, я берусь
Помочь в беде, была бы божья воля».
И вот меня от пут освободили,
Я стал за руль и смело начал править;
По все ж на лук поглядывал украдкой
И пристально высматривал местечко
На берегу, чтоб выпрыгнуть из лодки.
И только я завидел плоский камень,
Что в озеро далеко выдавался...

Рыбак

Да, у подошвы Аксена Большого,
Но только невозможно — так он крут —
Из лодки выпрыгнуть на этот камень.

Телль

Я крикнул, чтоб сильнее налегли
Гребцы на весла, что за тем утесом
От злейшей мы избавимся беды.
Когда же лодку мы к нему домчали,
Призвал я бога в помощь и плотней,
Что было сил, корму прижал к скале.
И тут я хватать мой лук и мой колчан,
Рывком внезапным выбросился вон
И вспрыгнул на скалистую площадку,
При этом от себя толчком могучим
Суденышко в пучину отшвырнув —
Пусть носится средь волн по воле божьей!
И вот я здесь, спасен от власти бури
И от насилья злобного людей.

Рыбак

Да, Телль, нал вами видимое чудо
Явил господь! Едва могу поверить

Своим глазам. Скажите же, однако,
Куда вы скроетесь? Беда вам, друг,
Коль фохт живым уйдет от этой бури.

Т е л ь

Он говорил, когда еще я связан
Лежал на дне, что в Бруннене пристанет
И через Швиц в свой замок поведет.

Р ы б а к

Сухим путем он двинется туда?

Т е л ь

Да, так он думал.

Р ы б а к

Скройтесь же скорей!
Вам дважды от ландфохта не уйти.

Т е л ь

Как через Арт пройти мне ближе к Кюснахт?

Р ы б а к

Большой дорогой только через Штейнен.
Но я вам сына дам, он вас проводит
И ближе и надежней через Ловерц.

Т е л ь (пожимая ему руку)

Господь вознаградит вас. Ну, прощайте!
(Уходит, но сейчас же возвращается.)

Скажите, вы не присягали в Рютли?
Сдается, кто-то мне вас называл.

Р ы б а к

Да, я там был и присягал союзу.

Телль

Тогда, мой друг, скорей ступайте в Бюрглен!
Жена моя в отчаянье. Скажите,
Что я спасен, опасность миновала.

Рыбак

Но как сказать мне ей, куда вы скрылись?

Телль

Вы тестя моего найдете там,
Да и других, на Рютли клятву давших.
Скажите, чтоб они не унывали:
Свободен Телль, рука его сильна,
И скоро обо мне они услышат.

Рыбак

Что вы задумали? Откройте смело!

Телль

Когда свершится, все про то узнают.

(Уходит.)

Рыбак

Ну, Енни, проводи его, с ним бог!
Всего добьется Телль, что он задумал.

(Уходит.)

Сцена вторая

Замок Аттинггаузена.

Барон, умирающий, в креслах. Вальтер Фюрст, Штауф-
фахер, Мельхталь и Баумгартен хлопочут около него.
Вальтер Телль стоит на коленях перед умирающим.

Вальтер Фюрст

Все кончено, он в вечность отошел.

Штауффахер

Он не похож на мертвого... Смотрите,
У губ его чуть зыблется перо!

Он тихо спит с приветливой улыбкой.

Баумгартен идет к дверям и с кем-то говорит.

Вальтер Фюрст (Баумгартену)

Кто там пришел?

Баумгартен (возвращаясь)

Гедвига, ваша дочь.

Она и вас и сына видеть хочет.

Вальтер Телль встает.

Вальтер Фюрст

Могу ль ее утешить... безутешный?

Ах, сколько бед на голову мою!

Гедвига (врываясь)

Где сын мой? Ну, пустите же к нему!..

Штауффахер

Сдержите свой порыв... в жилище смерти...

Гедвига (бросается к мальчику)

Мой Вельти! Жив!

Вальтер Телль (обнимая ее)

Бедняжка моя!

Гедвига

Ты вправду цел? Ты, Вальтер, невредим?

(Осматривает его с беспокойством.)

Возможно ли? Он целился в тебя?
Как только мог он? У него нет сердца...
Родному сыну в голову стрелять!

Вальтер Фюрст

В нем сердце разрывалось, он страдал;
Его принудил фохт под страхом смерти.

Гедвига

О, если б он был любящим отцом,
Сто раз бы умер, но стрелять не стал бы!

Штауффахер

Благодарить за все вам надо бога,
Он сына спас вам.

Гедвига

Да, но как забыть,
Чем кончиться могло б все это? Боже!
Живи я долгий век — все буду видеть,
Как делится отец в родного сына,
И все стрела мне в сердце будет мчаться!

Мельхталь

Но как ландфохт над Теллем измывался!

Гедвига

О, черствые сердца! Когда в вас гордость
Залета, все вам нипочем. Тогда
Мужчина в ярости слепой играет
И сердцем матери и жизнью сына!

Баумгартен

Легка ли участь вашего супруга,
Что вы его поносите так тяжко?
К страданьям Телля равнодушны вы?

Г е д в и г а (*поворачивается к Баумгартену,
и окидывает его суровым взглядом*)

А, друга ты слезою выручаешь?
Где были вы, когда отважный Телль
Был схвачен? Чем ему вы помогли?
Смотрели, и злодейство совершилось
При вас. И вы покорно допустили,
Чтоб выхватили Телля из толпы.
А так ли с вами поступал он? Разве
Стоял он, выражая сожаленье,
Когда ландфохта стража за т о б о й
Гналась, а впереди тебя бурлила
Пучина разъяренная? На слезы
Он времени не тратил зря, он в лодку
Вскочил, забыв жену, детей, и — спас...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да можно ль было выручить его
Нам, безоружной горсточке крестьян?

Г е д в и г а (*бросается в его объятия*)

Отец, отец! И ты его лишился!
Страна и весь народ его лишились!
Мы для него погибли, он — для нас.
О, только бы он духом там не пал!
К нему, в его подземную темницу,
Не проникает дружеское слово.
Вдруг заболит он! В гнилой тюрьме
Он может заболеть. Как роза Альп
В болотных испареньях блекнет, вянет,
Так для него без солнца жизни нет,
Без воздуха целительного гор.
В оковах Телль! Ведь он дышал свободой!
Погибнет он, вдыхая тлен могильный!

Штауффахер

Уймите скорбь! Наступит час борьбы,
И Телля тут же мы освободим.

Гедвига

Что можете вы сделать без него?
Телль на свободе был — была надежда;
Невинный друга в Телле обретал,
Заступника надежного — говимый;
Он каждого спасал, а вы, все вместе,
Его оков не можете расторгнуть!

Барон просыпается.

Баумгартен

Он шевельнулся, тише!

Аттинггаузен (*приподымаясь*)

Где он?

Штауффахер

Кто?

Аттинггаузен

Что ж он ушел перед моей кончиной!

Штауффахер

Он о племяннике... За ним послали?

Вальтер Фюрст

Послали... Так утешьтесь, старшина!
Он наш теперь, всем сердцем, всей душой.

Аттинггаузен

Вступился он за родину свою?

Штауффахер

Со смелостью героя.

Аттинггаузен

Отчего ж

Он не идет принять благословенье?
Сомненья нет, подходит мой конец.

Штауффахер

О нет, короткий сон вас подкрепил.
Бодрее вы, и ясен стал ваш взор.

Аттинггаузен

Страданье — это жизнь; оно утихло,
Конец мученьям — и конец надежде.

(Заметив Вальтера Телля.)

Кто этот мальчик?

Вальтер Фюрст

О, благословите

Его, он внук мой, сирота теперь.

Гедвига с сыном опускаются перед умирающим на колени.

Аттинггаузен

Я всех вас тут сиротами оставляю...
О горе мне, что мой последний взгляд
Закат отчизны должен был увидеть!
Я дожил до таких преклонных лет,
Чтоб все надежды унести в могилу!

Штауффахер *(Вальтеру Фюрсту)*

И он умрет с такой печалью в сердце?
Не озарить ли нам последний час.

Лучом надежды?.. Благородный рыцарь,
Воспряньте духом! Не совсем еще
Погибли мы, не вовсе беззащитны.

Аттинггаузен

Но кто ж спасти вас должен?

Вальтер Фюрст

Мы же сами.

Так выслушайте! Дали три кантона
Друг другу слово выгнать всех тиранов,
Союз на Рютли заключен, и клятвой
Все связаны. Мы перед новым годом
Начнем борьбу. Ваш благородный прах
Покоится в земле свободной будет.

Аттинггаузен

О, повторите! Заключен союз?

Мельхталь

В один и тот же день должны подняться
Все три лесных кантона. Все готово,
И тайна бережно хранится всеми,
Хоть тысячам доверена она.
Уже стоят над пропастью тираны,
И дни владычества их сочтены,
И скоро без следа они исчезнут.

Аттинггаузен

А как же замки с крепкими стенами?

Мельхталь

Они падут в один и тот же день.

Аттинггаузен

А рыцари к союзу не примкнули?

Штауффахер

Мы ждем от них поддержки, но союзу
Пока одни крестьяне дали клятву.

Аттинггаузен *(медленно привстает,
в величайшем удивлении)*

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впрямь
К величию народы поведут.

*(Кладет руки на голову стоящего перед
ним на коленях мальчика.)*

От головы, где яблоко лежало,
Свобода лучшая для вас взойдет;
Уходит старое — не то уж время:
Среди развалин снова жизнь цветет.

Штауффахер *(Вальтеру Фюрсту)*

Каким огнем зажглись его глаза!
Не жизни гаснущей последний проблеск,
Но жизни новой это первый луч...

Аттинггаузен

Вот едут рыцари из старых замков
Присягу в верности дать городам
И в Юхтланде и в Тургау — повсюду.
Подъемлет Берн державную главу,
И Фрейбург создает оплот свободы,
Прилежный Цюрих граждан снаряжает

На смертный бой...¹ И силы королей
О вековые стены разобьются.

*(Продолжает, как ясновидящий, все более
и более вдохновляясь.)*

Князей и рыцарей вдали я вижу.
Они идут, сверкая сталью лат,
Войной на мирных пастухов. Борьба
Пойдет на жизнь и смерть. Кровавой сечей
Здесь не одно прославится ущелье.
Вот, жизни не щадя, с открытой грудью,
Крестьянин бросился на коний лес —
И брешь пробил, погиб дворянства цвет,
И стяг победы подняла свобода.

(Взяв за руку Фюрста и Штауффахера.)

Держитесь вместе... крепко, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един.. един..

*(Откидывается на подушки. Но, бездыханный,
он еще держит их руки.)*

Фюрст и Штауффахер некоторое время молча на него смотрят, затем скорбно отходят в сторону. Тем временем тихо собираются слуги. Они подходят, безмолвно выражая, кто сдержаннее, а кто сильнее, свое горе; некоторые становятся возле умершего на колени и плачут, склонившись над его рукой. В продолжение этой немой сцены звонит колокол замка.

Руденц (вбегая)

Он жив? Скажите, он меня услышит?

¹ К союзу лесных кантонов, созданному для борьбы с австрийцами, присоединились и швейцарские города — Берн, Цюрих, Фрейбург и др.

Вальтер Фюрст (с печалью)

Отныне вы — глава наш и защитник,
Другое имя носит этот замок.

Руденц (увидев покойника, останавливается в глубоком горе)

О боже!.. Так раскаянье мое
На несколько мгновений запоздало
И радостью не будет для него?
Я пренебрег его благим советом,
Когда он жив был... И его уж нет,
Ушел навек, на совести моей
Оставив неоплатный долг!.. Скажите,
Он умер, негодуя на меня?

Штауффахер

Нет, перед смертью он о вас услышал
И ваше мужество благословил.

Руденц (становится на колени возле покойника)

О, доблестного рыцаря останки!
Священный прах! Даю тебе обет
Здесь, над твоей остывшею рукою:
Расторгнуты навек с врагами связи.
Я к моему народу возвратился
И навсегда — швейцарец, всей душой!

(Встает.)

Оплакивайте в нем отца и друга,
Но все ж унынию не предавайтесь!
Он не одни владенья мне оставил,
Нет, Руденц дух наследует его.
И юность бодрая исполнит долг,
Что хилой старости был не под силу.

Отец почтенный, дайте вашу руку!
И вы свою! Вы, Мельхталь, дайте вашу!
Сомненья прочь! Не отводите глаз.
Примите клятву и мои обеты!

Вальтер Фюрст

Дадим барону руку! Сердцем он
Вернулся к нам.

Мельхталь

Крестьян вы презирали.
Чего теперь мы ждать должны от вас?

Руденц

О, заблужденья юноши забудьте!

Штауффахер (Мельхталю)

Единство — был умершего завет,
Не забывайте.

Мельхталь

Вот моя рука!
Крестьянское рукопожатие стоит
Не меньше рыцарского слова, право!
Что вы без нас? И мы древней дворян!

Руденц

Я чту крестьян, мой меч — защита им.

Мельхталь

Те руки, что природу покорили
И горы хлеб заставили родить,
Грудь защитить наверное сумеют.

Руденц

Вы будьте мне, я буду в а м оплотом,
Союзом нашим будемте сильны.
Но прочь слова, когда страна родная —
Добыча чужеземной тирании.
Сперва страну очистим от врага,
А после на досуге разберемся.

(Помолчав.)

Вам нечего сказать мне? Вы молчите?
Как! Я еще не заслужил доверья?
Коль так, то в тайну вашего союза
Я проникаю против вашей воли.
Вы совещались... присягали в Рютли —
Я знаю... знаю все, что было там,
И эту тайну, как залог священный,
Хранил. хоть мне ее не доверяли.
Нет, не был я врагом моей стране,
Ни разу я еще вам не вредил.
Но все ж, друзья, не надо мешкать вам.
Отсрочка губельна, быстрее ударьте —
Тедль первой жертвой промедленья стал.

Штауффахер

Мы дали клятву ждать до рождества.

Руденц

Я не был там и клятвы не давал.
Не вы, так я начну.

Мельхталь

Как? Неужели...

Руденц

Я к старшинам страны теперь причислен,
И первый долг мой — быть защитой вам.

Вальтер Фюрст

Предать земле останки дорогие —
Ваш первый и священный долг пред всеми.

Руденц

Освободив страну, мы принесем
Венок победы на его могилу.
Друзья мои! Я не за бас одних
С тираном мерзким на смерть буду биться —
И за себя!.. Узнайте же! Исчезла,
Похищена моя невеста Берта.
Злодейство дерзкое средь бела дня!

Штауффахер

Тиран дерзнул на произвол такой,
И рыцарскую дочь он смел похитить?

Руденц

Друзья мои! Я обещал вам помощь,
Но должен сам сперва о ней просить.
Ах, у меня любимую отняли!
Кто знает, где она заточена?
Злодей любой ценой ее заставит
С собою в ненавистный брак вступить!
О, помогите мне ее спасти!
Ведь за любовь к стране она достойна,
Чтоб на ее защиту встали все.

Вальтер Фюрст

Что ж вы предпримете?

Руденц

Почем я знаю?

Сквозь этот мрак, который окружает
Ее судьбу, и сквозь сомненья, страхи,
Когда не знаешь, что же предпринять,
Одна лишь ясно проступает мысль:
Из-под обломков тирании лютой
На божий свет ее мы извлечем.
Коль крепости врага разрушим мы,
Дойдем, быть может, до ее тюрьмы.

Мельхталь

Ведите нас! Мы все пойдем за вами.
Уже сегодня нам борьба по силам!
Телль на свободе был, когда клялись мы.
Еще не совершилось злодеянье.
Иное время — и закон иной.
Тот низкий трус, кто медлить будет доле.
Руденц (*Штауффахеру и Вальтеру
Фюрсту*)

Так за мечи, за копыя, дело близко!
Огни уж скоро вспыхнут по горам.
Стремительнее вестового судна
Победы нашей весть примчится к вам.
Огни завидев, — цель недалека! —
Вы на врага, как молния, ударьте
И сбросьте гнет тиранов — на века!

Расходятся.

Сцена третья

Ущелье неподалеку от Кюснахта. Сюда спускаются по тропинке между скал, и каждого путника, прежде нежели он появится на авансцене, видно наверху. Скалы вокруг; одна из них, поросшая кустарником, выдается вперед.

Телль (*входит, вооруженный самострелом*)
По этому ущелью он поедет;

Другого в Кюснахт нет пути... Я здесь
Исполню все... благоприятен случай.

Куст бузины меня надежно скроет,
Оттуда фохта я стрелой достану,
А для погони тесен этот путь.

Кончай скорей расчеты с небом, фохт!
Ты должен умереть, твой час уж пробил.

Я прежде жил спокойно и беззлобно...

В лесного зверя лишь пускал стрелу
И был далек от мыслей о злодействе.

Теперь ты мир моей души смутил,
И в яд змеиный превратил во мне
Ты молоко благочестивых мыслей.

Ты сам меня убийству научил:
Кто в голову родного сына целил,
Сумеет в сердце поразить врага.

Детей невинных, верную жену

Я защищать от ярости твоей
Обязан, фохт!.. Когда рукой дрожащей

Упорный лук натягивал я свой,
Когда ты с дьявольским злорадством, Геслер,
Стрелять в родного сына принуждал

И тщетно умолял я о пощаде,

Тогда в душе я страшную дал клятву —

Ее лишь бог слышал, — что первой целью

За этим выстрелом в дитя послужит

Мне грудь твоя... И тот обет священный,

Который произнес я в адских муках,

Исполнен будет, бог тому порука.

Ты господин мой, ты имперский фохт;

Но разве мог себе наш император

Позволить столько... Он тебя послал,

Чтоб суд творить — пусть строгий,

он разгневан, —

Но не над всеми злобно потешаться

И наносить преступные удары.
Есть бог вверху для мщения и кары.
Лети же, смертоносная стрела,
Бесценное сокрещище мое!
Вот цель тебе, что к просьбам и молениям
Была всегда глуха и недоступна...
Но пред тобой не устоит она..
Ты ж. крепкая, тугая тетива,
Так часто мне служившая на играх,
Не выдавай меня и в грозный час!
Мой верный друг, покорна будь усилью,
Ты часто окрыляла мне стрелу.
Без промаха единственной стрелой
Сразим врага — в колчане нет другой.

Путники проходят через сцену.

Присяду здесь, на каменной скамье,
Тут путников короткий отдых ждет...
Их родина далеко... Все спешат,
Друг другу чуждые, никто не спросит,
Какое горе у тебя на сердце...
Проходит озабоченный купец,
И с легкою котомкой богомолец,
И набожный монах, а там, глядишь,
Разбойник мрачный иль дударь веселый,
Идет погонщик за своим конем,
Навьюченным дарами стран далеких...
Их всех сюда влекут свои дела,
Меня же мысль о крови прибеда!

(Садится.)

Бывало, как с охоты приходил
Отец ваш, дети, то-то был вам праздник!
Он каждый раз вам приносил домой
Диковинную птицу, иль цветок

С альпийских пастбищ, или самоцвет,
Какой, случается, в горах находят...
Теперь на промысел другой он вышел:
Задумал он убийство на дороге —
И вот врага подстерегает здесь.
Но и теперь о вас лишь, детки, дума...
Невинных, вас он хочет защитить.
Чтоб вы спаслись от мщения злодея,
В него стрелу он пустит, не жалея!

(Встает.)

Я крупную подстерегаю дичь...
Не унывая, день-денской охотник
Скитается в горах в мороз трескучий,
И прыгает с утеса на утес,
И лезет вверх по страшной крутизне
С истерзанными до крови руками...
А все, чтоб жалкую козу добыть.
Меня награда ждет куда ценней —
Смертельного врага здесь поражу.

Издали, все приближаясь, доносятся звуки веселой музыки.

Я никогда не расставался с луком,
Всю жизнь в стрельбе искусной упражнялся.
Без промаха в мишень я попадал,
И не один прекрасный дар за это
Я получал на наших состязаньях...
Сегодня ж дам я выстрел мастерской
И лучшую в стране возьму награду.

Через сцену вверх по дороге движется свадебная процессия. Телье смотрит на нее, опираясь на свой лук. Полевой сторож Штюсси подходит к нему.

Ш т ю с с и

Вот женится смотритель монастырских
Поместий... Сам богатый человек —

С десяток у него пасется стад
В горах. Невесту взял из Имизее.
Пир в Кюснахте сегодня до утра.
Пойдем туда! Там рады всем гостям.

Телль

Нет, хмурый гость на свадьбе не у места.

Штюсси

Любую скорбь — скорей из сердца вон!
Со всем миритесь: времена лихие,
Ловите же веселье на лету.
Здесь — свадьба, там, быть может, — погребенье.

Телль

А иногда то и другое рядом.

Штюсси

Да, всякое случается на свете.
Довольно бед кругом... Скала в Гларисе
Обрушилась, и оползень засыпал
Немалое пространство.

Телль

Значит, горы
И те не вечны? Все непрочно здесь.

Штюсси

А вот еще какой чудесный случай
Недавно мне рассказывал проезжий.
Послушай. Ехал рыцарь к королю,

И вот дорогой целый рой шершней
Напал на лошадь. Так ее засли,
Что наземь рухнула и околела,
А рыцарь к королю пешком прибрел.

Т е л л ь

И слабому дала природа жало.

Армгарда появляется с несколькими детьми и становится на дороге.

Ш т ю с с и

Все это, брат, беду судит стране
И лютые, безумные злодейства.

Т е л л ь

Ужасные злодейства что ни день
Без знамений особых происходят.

Ш т ю с с и

Да, счастлив тот, кто мирно землю пашет
И безмятежно среди своих живет.

Т е л л ь

И смирному спокойно не прожить,
Коль он соседу злomu неугоден.

(С беспокойным ожиданием то и дело поглядывает на дорогу во время всего разговора.)

Ш т ю с с и

Прощайте... Вижу, вы кого-то ждете.

Т е л л ь

Да, жду.

Ш т ю с с и

Ну, так счастливо возвратиться!
Вы, кажется, из Ури? Ваш ландфохт
Сегодня должен был прибыть оттуда.

П у т н и к (мимоходом)

Не ждите нынче фохта. Реки вышли
От сильного дождя из берегов,
И все мосты снесло потоком бурным.

Тельь встает.

А р м г а р д а (подойдя ближе)

Фохт не проедет мимо?

Ш т ю с с и

Вам к нему?

А р м г а р д а

О да, к нему!

Ш т ю с с и

Но отчего, скажите,
Вы стали поперек его пути?

А р м г а р д а

Чтоб выслушал — тут некуда податься.

Ф р и с г а р д (быстро спускаясь по дороге,
кричит)

С дороги прочь! Мой господин ландфохт
За мною едет следом, расступитесь!

Тельь уходит.

Армгарда (с живостью)

Ландфохт к нам едет!

(Становится с детьми на авансцене.)

Гесслер и Рудольф Гаррас. оба верхом, появляются вдали на взгорье.

Штюсси

Как вы добрались?

Ведь ко всему мосты снесло водой.

Фрисгард

На озере мы с бурей воевали —
Потоки с гор теперь нам не страшны.

Штюсси

Вы были в лодке в такую бурю?

Фрисгард

Да, были. Век я это буду помнить.

Штюсси

Ах, расскажите!

Фрисгард

Нет, мне надо в замок —
Предупредить, что скоро будет фохт.

Штюсси

Будь в лодке люди честные, конечно,
Пошли б ко дну, а этакий народ
В воде не тонет, не горит в огне.

(Оглядывается.)

Никак, стрелка уже и след простыл?

(Уходит.)

Геслер и Гаррас, верхом.

Геслер

Я императору слуга, поймите,
И должен угождать ему. Сюда
Меня послал он не за тем, чтоб гладить
Народ по шерстке. Нет, повиновенья
Он ждет. Борьба идет за то, кто здесь
Хозяин: император иль крестьянин.

Армгарда

Теперь пора! Я с ним заговорю!

(Робко приближается к ним.)

Геслер

Не шутки ради я повесил шляпу.
Не для того, поверьте, чтобы этим
Народ испытывать — его я знаю, —
Но лишь затем, чтоб научить крестьян
Склонять свои упрямые затылки...
Препятствие на их пути обычном
Поставил я, чтоб, о него споткнувшись,
Припомнили они, кто господин их,
А то уж стали забывать его.

Рудольф

Но у народа есть свои права...

Геслер

Не время нам теперь их разбирать!
Великие свершаются дела.

Дом Габсбургов все крепнет. Что отцом
Так славно начато, сын завершит.
Народец этот нам преградой стал,
И мы его заставим покориться.

Хотят ехать дальше. Армгарда бросается перед Геслером на колени.

Армгарда

О сжальтесь! Умоляю о пощаде!

Геслер

Да что вы стали поперек дороги?..
Прочь от меня!

Армгарда

Мой муж сидит в темнице,
Голодные сироты плачут... Сжальтесь
Над тяжкою нуждой, наш господин!

Гаррас

Кто вы такая? Кто ваш муж?

Армгарда

Бедняк.

Он косит сено на отвесных склонах,
Над грозною подчас повиснув бездной,
Карабкаясь по скалам, где не может
И скот пастись, привычный к крутизне.

Гаррас (*ландфохту*)

О гнет нужды, о горькие невзгоды!
Я вас прошу, верните мужа ей!

Как ни была б его вина тяжка,
Бедняк наказан ремеслом ужасным.

(Женщине.)

Наместник все рассудит по закону.
Придите с просьбой в замок... Здесь не место.

Армгарда

Нет, нет, отсюда я на шаг не сдвинусь,
Пока ландфохт не возвратит мне мужа!
Уже полгода скоро, как в тюрьме
Он приговора тщетно ожидает.

Геслер

Так вы решили силой?.. Прочь с дороги!

Армгарда

Будь справедлив, ландфохт! Ведь ты судья
Во имя императора и бога.
Исполни долг! Кель милости ты ждешь
От господ, то милость нам яви!

Геслер

Прочь, дерзкая! Убрать ее с дороги!

Армгарда *(хватаясь за поводья)*

Нет, нет, мне больше нечего терять!
Ты с места не сойдешь, ландфохт, пока
Мне правосудия ты не окажешь...
Выкатывай свои глаза на лоб...
Несчастье наше беспредельно, нас
Твой лютый гнев, ландфохт, не испугает.

Геслер

Пусти, иль затопчу тебя конем!

Армгарда

Топчи! Вот, на...

(Хватает детей и бросается с ними на землю.)

Дави меня с детьми.

Пусть кованым копытом их тела
Твой конь растопчет, не щадя сирот!
Ужаснее ты совершал злодейства!

Гаррас

Да вы сошли с ума!

Армгарда *(вне себя)*

Ведь ты лавно
Страну, народ ногами попираешь!
Я только женщина! Будь я мужчиной,
Я что-нибудь придумала б другое,
Чем здесь лежать во прахе...

Издали снова доносится свадебная музыка, но глуше.

Геслер

Где же люди?

Гоните прочь ее, или, забывшись,
Я что-нибудь ужасное свершу.

Гаррас

Пройти сюда отряду невозможно —
Ему дорогу свадьба преградила.

Г е с л е р

Я слишком милостивый властелин
Для этого народа... Языки
Дерзки у этих горцев непокорных.
Клянусь, что все пойдет теперь иначе:
Я укрошу их дерзкое упорство,
Я подавлю кичливый дух свободы!
Я новый возведу закон стране
И прикажу...

*(Стрела пронзает его, он хватается рукой
за сердце и, качаясь в седле, произносит
слабым голосом.)*

Умилосердись, боже!

Г а р р а с

Что за напасть... Откуда? Что такое?

А р м г а р д а *(вскакивая)*

Убит! Убит! Он падает! Сражен!
Стрела ему пронзила сердце злое!

Г а р р а с *(соскакивает с лошади)*

О ужас!.. Боже!.. Господин лэндфохт...
Взовите к милосердию небес!..
Вы при смерти!..

Г е с л е р

О, это выстрел Телля...

*(Соскальзывает с лошади на руки
Рудольфу Гаррасу, который кладет его
на скамью.)*

Т е л л ь (появляясь вверху, на вершине скалы)

Узнал стрелка, другого не ищи!
Свобода — хижинам и мир — невинным!
Безвреден ты теперь моей отчизне!

(Исчезает за скалой.)

На сцену врывается народ.

Ш т ю с с и (вперед)

Что тут случилось? Что произошло?

А р м г а р д а

Ландфохт убит стрелой.

Н а р о д (сбегаясь)

Кто, кто убит?

Меж тем как передние из свадебного поезда выходят на сцену, остальные поезжане находятся еще на взгорье, и музыка продолжается.

Г а р р а с

Он кровью изойдет! Сюда, на помощь!
Преследуйте убийцу, да скорей!
Несчастный, ты дождался, вот конец твой...
Не слушался ты моего совета!

Ш т ю с с и

О боже! Как он бледен, неподвижен!

Г о л о с а

Чьей он казнен рукой?

Гаррас

Эй, там, уймись!
Тут смерть, а вы играть? Пусть замолчат!

Музыка внезапно прекращается. Народ все прибывает.

Ландфохт, скажите мне, когда вы в силах:
Вам нечего доверить мне?

Геслер делает знак рукой и с досадой повторяет его, вида, что жест остался неповнятым.

Что, в Кюснахт?.. Я не понял вас... Ландфохт,
Не будьте так нетерпеливы... Пазо,
Забыв земное, с небом примириться!

Весь свадебный поезд с ужасом окружает умирающего.

Штюсси

Он все бледней... Смерть к сердцу подступает.
А вот уже глаза его закрылись.

Армгарда (поднимая ребенка)

Смотри, дитя, как умирает изверг!

Гаррас

О женщины, безумные! Неужто
В вас сердца нет, что зрелище такое
Для вас услада?.. И никто не хочет
Помочь мне выдернуть стрелу из тела!

Женщины (отступая)

Спасать того, кого господь казнил!

Гаррас

Так будьте же вы прокляты!

(Хватается за меч.)

Штюсси *(удерживая его руку)*

Не смейте!

Господству вашему конец. Тирани
Страны убит. Мы больше не потерпим
Насилья над собой. Свободны мы.

Все *(шумно)*

Свободны мы!

Гаррас

Вот до чего дошло?

Так скоро всякий страх пропал у вас?

(Подходящим оруженосцам.)

Вы видите, здесь страшное убийство
Совершено... И тщетна наша помощь...
Преследовать убийцу бесполезно.
Заботы нам другие предстоят.
Скорее в Кюснахт. Замек этот крепкий
Спаси для императора нам надо!
Распались узы долга и порядка,
И никому довериться нельзя.

(Удаляется с оруженосцами.)

Входят шесть монахов — братьев милосердия.

Аригарда

Прочь! Братья милосердия идут!

Ш т ю с с и

Была бы жертва — ворон тут как тут.

Братья милосердия (*становятся
полукругом около покойника и поют
глухими голосами*)

Внезапно может смерть притти,

Ей не указан день и час.

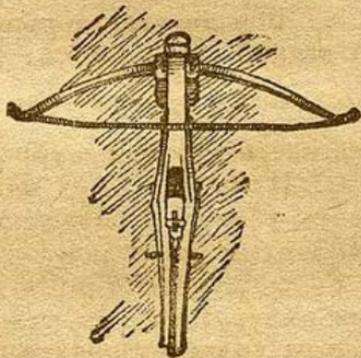
Она сразит на полпути.

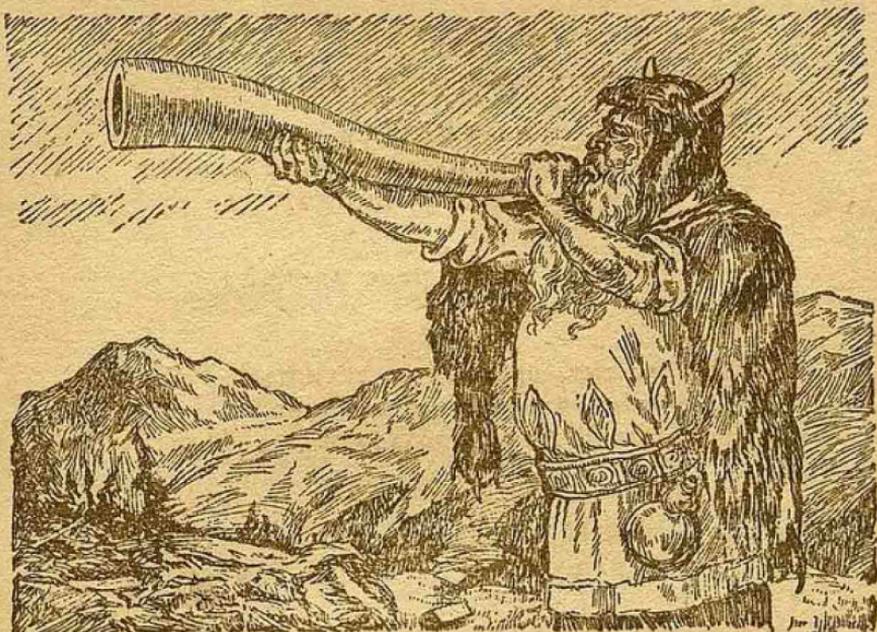
Ты в цвете сил — и вот угас.

Готов ты умереть иль нет —

Дай высшему судье ответ!

При повторении последних стихов занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена первая

Площадь в Альторфе.

В глубине сцены направо стоит крепость «Иго Ури» с еще не убранными лесами, как в третьей сцене первого действия. Налево тянется цепь гор, на которых горят сигнальные огни. Рассвет. Издалека с разных сторон доносится звон колоколов.

Руоди, Квони, Верни, мастер-каменотес и множество других поселян, женщины и дети.

Руоди

Вы видите — костры зажгли в горах?

Каменотес

А слышите— набат гудит за лесом?

Руоди

Враги уж изгнаны.

Каменотес

И пали замки!

Руоди

Чего же тут, среди гор лесистых Ури,
Мы терпим этот замок тирании?
Мы позже всех провозгласим свободу?

Каменотес

Позволить Игу здесь стоять угрозой?
Ломай, круши!

Все

Круши! Ломай! Круши!

Руоди

Где ваш трубач?

Трубач Ури

Я здесь. Зачем я нужен?

Руоди

На башню подымитесь, затрубите
В свой звонкий рог, чтоб далеко в горах
Отдался звук тысячеустым эхом
И чтоб скорее на призыв могучий
Народ из Ури шел!

Трубач Ури уходит. Появляется Вальтер Фюрст.

Вальтер Фюрст

Друзья! Пойдите!
Вестей из Унтервальдена и Швица
Все нет как нет. Сперва гонцов оттуда
Нам надо подождать!

Руоди

Как подождать!
Тиран убит, забрезжил день свободы.

Каменотес

Каких еще гонцов, когда кругом
В горах костры сигнальные пылают?

Руоди

Сюда, сюда! За дело, всем народом!
Долой леса! Обрушим своды, стены,
Чтоб камня тут на камне не осталось!

Каменотес

Эй, подмастерья! Замок мы воздвигли,
Сумеем и разрушить.

Все

Бей, круши!

*(Бросаются со всех сторон на недо-
строенную крепость.)*

Вальтер Фюрст

Пошло! Теперь ничем их не удержишь.
Входят Мельхталь и Баумгартен.

Мельхталь

Как, замок цел? А ведь уже весь Сарнен
Испепелен и крепкий Росберг пал!

Вальтер Фюрст (Мельхталю)

Свободу вы несете? Или рабство?
Что, от врага очищена страна?

Мельхталь (обнимая его)

Очищена. Порадуйтесь, отец!
Свободны мы, теперь уже нигде
В Швейцарии тиранов не осталось.

Вальтер Фюрст

Но как же замками вы овладели?

Мельхталь

С отчаянною храбростью напал
На Сарнен Руденц, взял его отважно.
В ночь перед этим в Росберг я проник.
Но вот послушайте! Когда мы замок,
Очистив от врага, зажгли и пламя,
Треща, взвилось столбом под небеса,
Вбежал Дитгельм, паж Геслера, и крикнул,
Что Берта Брунек заживо сгорит.

Вальтер Фюрст

О боже!

Слышно, как рухнули леса постройки.

Мельхталь

Тайным повеленьем фохта
Она была заточена в темницу.
Не взвидя света, Руденц тут вскочил —
Уж раздавался треск стропил и балок
И к нам из клубов дыма долетал
Песчастной жертвы вопль.

Вальтер Фюрст

Ее спасли?

Мельхталь

Спасти могли решимость, быстрота.
Когда б он только был бароном нашим,
Пожалуй, мы б задумались. Но Руленц —
Союзник наш, а Берта чтит народ...
И потому мы жизнью вновь рискнули
И кинулись в огонь ее спасать.

Вальтер Фюрст

И что ж, спасли?

Мельхталь

Спасли. Ее мы оба
Стремительно сквозь пламя пронесли —
За нами тут же рухнули стропила.
И вот, когда она пришла в себя
И к небесам свей устремила взор,
Барон ко мне на грудь упал. Так был
Безмолвной клятвой закреплен союз,
И он, в огне пожара закален,
Любые выдержит судьбы удары.

Вальтер Фюрст

Где ж Ланденбергер?

Мельхталь

Он за рубежом.
Не я виной, что тот, кем мой отец
Был ослеплен, еще свет солнца видит.
Я вслед за ним погнался — и настиг,
К ногам отца повергнул я злодея
И уж занес над ним свой острый меч;

Но милосердию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощалу.
Он дал зарок сюда не возвращаться
И не нарушит клятвы. На себе
Узнал он силу наших рук.

Вальтер Фюрст

Хвала вам,
Что вы победу кровью не пятнали!
Дети (*пробегая по сцене с обломками
лесов*)

Свобода!.. Воля!..

Раздаются могучие звуки рога Ури.

Вальтер Фюрст

Праздник-то какой!
О нем ребенок старцем помнить будет.

Девушки несут шляпу на шесте. Вся сцена заполняется народом.

Руоди

Вот шляпа — чтить ее нас принуждали.

Баумгартен

Решайте, как нам с нею поступить.

Вальтер Фюрст

Ах, господа! Под ней стоял мой внук!

Несколько голосов

Топчите, рвите памятник насилья!
В огонь ее!

Вальтер Фюрст

Нет, лучше сохраним!

Она была орудьем тирании —
Теперь пускай свободы знаком станет!

Поселяне, поселянки и дети, кто сидя, а кто стоя на обломках рухнувших лесов, образуют большой живописный полукруг.

Мельхталь

Союзники! Как радостно стоять
Здесь, на обломках тирании! С блеском
Исполнено, в чем поклялись мы в Рютли.

Вальтер Фюрст

Начало это, но не завершение.
Побольше мужества, единство — тверже!
Поверьте, император не замедлит
Начать войну, чтоб отомстить за фохта
И силой к нам всех изгнанных вернуть.

Мельхталь

Ну что ж, пусть он ведет свои войска!
Внутри страны врага мы победили —
И внешнего сумеем отразить.

Руоди

Не много к нам ведет проходов горных,
Мы нашей грудью защищать их будем.

Баумгартен

Союз наш вечен, непоколебим,
Нас полчища врага не устрашат!
Входит Рессельман в Штауффахер.

Рессельман (входя)

О, грозный суд разгневанных небес!

Поселяне

Что, что такое?

Рессельман

Дожили, вот время!

Вальтер Фюрст

Но что случилось?.. Вернер, что такое?

Поселяне

Что за напасть?..

Рессельман

О боже, что творится!

Штауффахер

Избавлены мы от большой угрозы...

Рессельман

Убит наш император.

Вальтер Фюрст

Боже правый!

Поселяне вскакивают со своих мест и окружают Штауффахера.

Все

Убит! Как? Император! Император!..

Мельхталь

Не может быть! Откуда эти вести?

Штауффахер

Сомнений нет. Под Бруком Альбрехт пал
От рук убийц... Нам эту весть принес
Ганс Мюллер, он доверия достоин.

Вальтер Фюрст

Но кто виновник страшного злодейства?

Штауффахер

Оно еще ужасней оттого,
Что совершил его родной племянник,
Сын брата, Швабский герцог Иоганн.

Мельхталь

А что его толкнуло на злодейство,
Отцеубийству равное?

Штауффахер

Наследства

Племяннику не отдал император
И, говорят, хотел совсем отнять
Его владенья, дав ему взамен
Епископство. Но юный герцог внял
Товарищей своих совету злому
И вместе с Эшенбахом, Пальмом, Вартом
И Тегерфельдом порешил на том,
Что раз ему отказано в правах,
То собственной рукой он отомстит.

Вальтер Фюрст

Скажите ж, как свершилось злодеянье?

Штауффахер

В свою столицу ехал император
Из Бадена со свитой блестящей,
В которой сын его был Леопольд
И герцог Иоганн. Когда ж до Ройсса
Доехали, то сразу к переправе
Убийцы кинулись, всех оттеснив
От императора, и с ним поплыли.
Потом верхом поехал государь
По полю, где огромный древний город
Был, говорят, в языческое время.

И на виду у Габсбургского замка —
Австрийский дом свой род ведет оттуда —
Сам герцог Иоганн ему нанес
Удар кинжалом в горло, а фон-Пальм
Пронзил его копьем на всем скаку,
А череп Эшенбах рассек мечом.
И рухнул Альбрехт, весь в крови, сраженный
Своими на земле своих отцов.
А свита, отделенная рекою,
Беспомощно глядела на расправу
И только воздух воплем оглашала.
И на руках у нищенки бездомной
Весь кровью император изошел.

Мельхталь

Вот как пришлось владыке умереть,
Что жадно всем стремился завладеть.

Штауффахер

Безмерный ужас охватил страну.
Завалены все горные проходы,
Свои границы каждый охраняет.
И древний Цюрих затворил ворота,
Что тридцать лет для всех открыты были.
Убийц боятся, мстителей — подавно.
Уже идет с войсками королева
Венгерская, суровая Агнеса,
Которой кротость женская чужда.
Она проклятья шлет и отомстить
За царственную кровь отца клянется
Всему их поколенью, детям, слугам,
И внукам их, и даже камням замков.
Она клянется целые семейства
В отцовскую могилу сбросить, кровью
Омыться, словно майскою росой.

Мельхталь

Известно ли, куда убийцы скрылись?

Штауффахер

Все пятеро сообщников бежали,
Свершив убийство, в пять концов различных,
Чтоб никогда не встретиться. Как слышно,
В горах у нас блуждает Иоганн.

Вальтер Фюрст

Так не дало им проку злодеянье!
Бесплодна месть — она убийства жаждет,
Убийством насладится, а затем
В отчаянье бездонном захлебнется.

Штауффахер

Убийцам пользы нет от преступления.
Но мы рукою чистой соберем
Кровавого злодейства плод благой.
Избавлены мы от большой угрозы.
Свободы самый грозный враг — в котле,
И, говорят, другому дому скипетр,
Не Габсбургам, доставется. Желает
Империя свободно избирать.

Вальтер Фюрст

А что вы слышали?

Штауффахер

Граф Люксембург,
Рассказывают, большинством намерен.

Вальтер Фюрст

И благо нам, что были мы верны
Империи: теперь добьемся правды.

Штауффахер

В друзьях нуждаясь, новый император
Нас от австрийской мести оградит.

Все бросаются в объятия друг другу. Входит Петерман с имперским гонцом.

Петерман

Вот старшины почтенные.

Рессельман и другие (Петерману)

Вы с чем?

Петерман

Гонец имперский с грамотою прибыл.

Все (Вальтеру Фюрсту)

Читайте вы!

Вальтер Фюрст (читает)

«Всем гражданам любезным

Трех стран лесных дарует королева
Елизавета милости и блага».

Несколько голосов

Что нужно ей? Здесь нет ее владений.

Вальтер Фюрст (читает)

«В великой скорби и печали вдовьей,
В которую повергнута она
Кровавою кончиною супруга,
Любовь и верность помнит королева».

Мельхталь

А счастлива была — не вспоминала.

Рессельман

Дослушаем! Потихе!

Вальтер Фюрст

«И думает, что преданный народ
Со справедливым омерзеньем встретит
Злодеев окаянных. Посему
Ждет королева, что в лесных кантонах
Им, супостатам, не дадут приюта,
А что усердно будут помогать
Их изловить и выдать для отмщенья,
Любовь и милость памятуя, кои
Им Рудольфа державный дом явил».

Многие голоса

Любовь и милость!

Штауффахер

Нам милости оказывал отец,
Но можно ли сыновними хвалиться?
А подтвердил ли наши льготы он,
Как всякий император до него?
Творил ли он над нами правый суд,
Невинному давал ли он защиту?
И выслушал ли наших он послов,
Которых мы в тревоге снарядили?
Нет, Альбрехт ничего для нас не сделал.
И если б мы могучею рукою
Не защитили наших прав, его
Вовек не тронули б несчастья наши.
За что ж благодарить? Он же посеял
Тут благодарности, хоть мог бы стать
Отцом любимым всех своих народов.
Охотно он своим дарил заботы.
Они пусть плачут — нет у нас охоты!

Вальтер Фюрст

Ни ликовать о гибели его,
Ни злое вспоминать теперь, что он
Нам причинил, избави бог! Но мстить
За смерть того, кто нам добра не делал,
И тех преследовать, кто зла не причинил нам,
Не подобает нам и не пристало.
Любовь должна быть жертвсю свободной.
Смерть этот долг насильственный сняла,
Мы с Альбрехтом покончили дела.

Мельхталь

Пусть во дворце вдова его рыдает
И к небу горькие стенанья шлет,
Вы видите, народ без страха дышит.
Хвала творцу, что миновали грозы!
Посей любовь — пожнешь участия слезы.

Имперский гонец уходит.

Штауффахер (народу)

Но где же Телль? Как, все еще не видно
Свободы нашей смелого творца?
Он больше всех свершил и претерпел.
Пойдем к тому с приветом всенародным,
Кто сделал каждого из нас свободным.

Все уходят.

Сцена вторая

Сени в доме Телля. В очаге горит огонь. В распахнутые двери видны окрестности.

Гедвига

Отец домой придет сегодня, детки!
Он жив, свободен, все кругом свободны!
Отец ваш, знайте, родины спаситель.

Вальтер

И я при этом был не из последних!
Не позабудь! Отцовская стрела
Грозилась смертью мне, но я не дрогнул.

Гедвига (*обнимая его*)

Да, да, ты небом снова мне дарован!
Тебя я в муках дважды породила!
Но все прошло... Мои вы оба, оба!
Сегодня возвращается отец!

На пороге появляется монах.

Вильгельм

Смотри-ка, мать, вон набожный монах.
Сейчас начнет молить о подаянье.

Гедвига

Вели его с дороги подкрепиться.
Пусть чувствует, что в нашем доме радость.
(*Уходит и вскоре возвращается с кубком.*)

Вильгельм (*монаху*)

Войдите, мать зовет вас отдохнуть.

Вальтер

И, подкрепясь, пойдете снова дальше.
Монах (*робко озираясь, с расстроенным
выражением лица*)

Где я? В какой, скажите мне, стране?

Вальтер

Не знаете? Вы, видно, заблудились.

Вы в Бюрглене, в лесном кантоне Ури,
Рукой подать до Шехенской долины.

М о н а х (возвращающейся Гедвиге)
Одни ли вы? Иль ваш хозяин дома?

Г е д в и г а

Я жду его как раз... Что это с вами?
Недоброе задумали вы что-то.
Но все равно, берите, вы в нужде.

(Подает ему кубок.)

М о н а х

Как сердце истомленное ни жаждет,
Я не притронусь, обещаю мне...

Г е д в и г а

Я вас прошу ко мне не прикасаться,
Не подходить, а то не буду слушать.

М о н а х

Клянусь гостеприимным очагом
И этой милой детскою головкой,
Которую обнять...

(Хватает мальчиков.)

Г е д в и г а

Да это что же?
Прочь от моих детей! Вы не монахи!
Ведь мир живет в монашеской одежде,
Но мира нет в чертах лица у вас.

М о н а х

Я человек несчастнейший на свете!

Гедвига

Несчастья голос тотчас внятен сердцу,
Но молкнет все в душе под вашим взглядом.

Вальтер (*подпрыгивая*)

Ах, наш отец!

(*Убегает.*)

Гедвига

О боже мой!

(*Хочет идти, но начинает дрожать и останавливается.*)

Вильгельм (*бежит следом*)

Отец!

Вальтер (*за сценой*)

Ты снова дома!

Вильгельм

Ах, отец наш милый!

Телль (*за сценой*)

Да, вот и я... Но, дети, где же мать?

Входят.

Вальтер

Вон у дверей, сойти не может с места,
От страха и от радости дрожит!

Телль

Гедвига! Мать моих детей! Господь
За нас — тиран уже нас не разлучит.

Гедвига (*обнимая его*)

Мой Телль! Как я страдала за тебя!

Телль

Ликуй, жена, забудь свои страдания!
Я вновь в семье! Вот хижина моя!
И на земле своей стою я твердо.

Вильгельм

Куда же ты, отец, девал свой лук?
Его не вижу я.

Телль

И не увидишь.
В святой обители хранится он
И на охоте больше не послужит.

Гедвига

О Телль!

(Отступает, вырывая свою руку.)

Телль

Чего ты, радость, испугалась?

Гедвига

Ты кто... ты кто теперь?.. Твоей руки
Могу ль коснуться?.. Той руки... О боже!

Телль *(от всего сердца, мужественно)*

Она стране и вам была защитой;
Я к небу смело подыму ее.

Монах делает резкое движение. Телль замечает монаха.

Кто этот брат?

Гедвига

Ах, я и позабыла!

Мне жутко с ним, ты расспроси его.

Монах (подходит ближе)

Итак, вы Телль, наместника сразивший?

Телль

Да, не таясь ни перед кем, — он самый.

Монах

Телль предо мной! Всевышнего рукою
Под вашу крышу был я приведен.

Телль (окидывая его взглядом)

Вы не монах? Но кто ж вы?

Монах

Вы сразили

Ландфохта, причинившего вам зло.

И я врага убил — он на права

Мои смел посягнуть, он общий враг наш.

Я от него страну освободил.

Телль (отпрянув назад)

Так вы... о ужас! Дети, уходите!

Ступай, жена! Иди, иди! Несчастный!

Вы тот...

Гедвига

О боже, кто?

Телль

Молчи, жена!

Прочь, прочь с детьми! Пускай они не слышат.

Ступайте же отсюда... Вам нельзя

Под крышею одной с ним находиться.

Г е д в и г а

Беда какая! Что ж, пойдем!

(Уходит с детьми.)

Т е л л ь (монаху)

Вы герцог
'Австрийский...' ¹ Да, не отпирайтесь! Вами
Был император, дядя ваш, убит...

И о г а н н П а р р и ц и д а

Грабитель моего наследья.

Т е л л ь

Он ваш дядя,
Ваш император был! И как вас терпит
Земля! И солнце как еще вам светит!

П а р р и ц и д а

Телль, выслушайте прежде...

Т е л л ь

Ты посмел,

Отцеубийца и цареубийца,
Запятнан кровью, в честный дом явиться?
Войти с лицом открытым к добрым людям
И здесь на право гостя притязать?

П а р р и ц и д а

Я думал милосердье тут найти:
Врагу и вы отмстили.

¹ Герцог Австрийский — Швабский герцог Иоганн, убивший императора Альбрехта I. Он получил прозвище «Паррицида», то есть «отцеубийца», потому что Альбрехт I был его опекуном.

Т е л ь

О несчастный!

Ты честолюбие кровавое посмел
Приравнять к отца самозащите?
Ты разве сына голову спасал?
За святость очага ты встал? И близких
Ты оградил от страшного конца?..
Я чистые подъемлю к небу руки,
Тебя, твое злодейство проклиная.
Я за святую отомстил природу,
А ты попрал ее, тут связи нет:
Злодейство и святейших прав защита!

П а р р и ц и д а

Вы гоните без слова утешенья?

Т е л ь

Я в ужасе, что говорю с тобой.
Ступай своею страшною дорогой!
Не оскверняй обители невинных!

П а р р и ц и д а (направляясь к выходу)

Я не могу, так я не в силах жить!

Т е л ь

И все ж тебя мне жаль... О боже правый!
Так молод, отпрыск царственного рода,
Жизнь императора пресекший... Герцог —
В отчаянье под этим нищим кровом!

(Закрывает лицо.)

П а р р и ц и д а

О, если вы способны плакать, тронет
Вас жребий мой злосчастный. Да, я герцог,

Я был им... Как я счастлив мог бы быть,
Смирив нетерпеливые желанья!
Но зависть грызла сердце. Сверстник мой,
Двоюродный брат Леопольд, увенчан
Был почестями, управлял страной,
А в это время мной так помыкали,
Как будто я подростком был незрелым.

Телль

Да, знал тебя твой дядя-император,
Когда страну не дал управлять.
Ты изуверским, страшным преступленьем
Сам подтвердил, как прав он был тогда...
А где теперь сообщники злодейства?

Паррицида

Бежали, мщенья духами гонимы.
Со дня того я не видал их боле.

Телль

Ты вне закона, знаешь? Друг не вправе
Тебе помочь, а враг — все вправе сделать.

Паррицида

И потому дорог я избегаю,
Я в хижину не смею постучаться
И дикими, пустынными местами
Бегу вслепую через эти горы.
И содрогаюсь сам перед собой,
В ручье поймав свой злополучный облик.
О, сжальтесь, Телль! О, будьте человечны...

(Падает перед ним на колени.)

Телль *(отворачиваясь)*

Встаньте! Встаньте!

Паррицида

Нет, прежде руку помощи подайте.

Телль

Как вам помочь? Что вам людская помощь?
Но встаньте... Пусть ужасно преступленье —
Вы человек... Я тоже человек.
Телль безутешного не оттолкнет.
Что в силах сделать — сделает.

Паррицида

О Телль!

Вы душу от отчаянья спасете.

Телль

Так отпустите руку. Вам пора.
Тут скрыться невозможно. А откроют —
Надяться нельзя вам на защиту.
Куда ж теперь? Где вы покой найдете?

Паррицида

Как знать мне? Ах! Не знаю я, несчастный.

Телль

Господь внушил мне вот какую мысль:
В Италию спешите, к папе, в Рим,
И там у ног святейшего отца
Томящуюся душу разрешите.

Паррицида

А если он предаст меня врагу?

Телль

Что сделает — примите, как от бога.

П а р р и ц и д а

Но как пройти мне в незнакомый край?
Дороги я не знаю и не смею.
Попутчиком к паломникам пристать.

Т е л л ь

Я расскажу вам путь, запоминайте.
Идите вверх и вверх навстречу Ройссу,
Что бешеным потоком мчится с гор.

П а р р и ц и д а (с испугом)

Увидеть Ройсе! Как в тот злосчастный день!

Т е л л ь

Над пропастью тропа идет, к р е с т а м и
Означенная в память о погибших,
Тут заживо лавиной погребенных.

П а р р и ц и д а

Мне ужасы природы не страшны,
Когда я муки сердца обуздаю.

Т е л л ь

Вы у подножья каждого креста
Молитесь с покаянными слезами,
И, счастливо пройдя дорогой грозной,
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,
Вы ступите на ветхий, шаткий мост.
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не подломится
И счастливо минуете его,
То черные скалистые ворота
Пред вами распахнутся — солнца луч

Под ними не играл еще. А дальше
Увидите веселую долину,
Но поскорее проходите мимо —
Где мир царит, нельзя вам пребывать.

П а р р и ц и д а

О Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок,
Т а к бродит внук твой по твоей земле!

Т е л л ь

Идя все вверх, придете к Сен-Готарду,
Где вечные на высах есть озера,
Которые потоками с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землею нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток.
Чу! Голоса слышны. Прочь!

Г е д в и г а

Где ты, Телль?

Отец сюда идет, и с ним веселой
Толпой идет народ.

П а р р и ц и д а (*закрывает лицо руками*)

О горе, горе!
Я не могу с счастливыми остаться!

Т е л л ь

Жена моя, иди и подкрепиться
Дай страннику и щедро надели
Дарами в путь далекий и пустынный.
Спеши! Идут.

Г е д в и г а

Но кто он?

Телль

Все равно.

А выйдет из дому, ты отвернись.
Чтобы глаза про путь его не зная.

Паррицила стремительно подходит к Теллю, но тот останавливает его движением руки и уходит. После того как она разошлась в разные стороны, сцена меняется.

Сцена последняя

В долине перед домом Телля и на возвышенностях, которые замыкают ее, стоят живописными группами поселяне. Некоторые еще подходят по высокой тропе вдоль берега Шехена Вальтер Фюрст с обоями мальчиками. Мелхталь и Штауффахер идут впереди, другие теснятся за ними. Когда выходит Телль, все встречают его радостными кликами.

Все

Да здравствует наш Телль, наш избавитель!

Пока передние толпятся вокруг Телля и обнимают его появляются Руденц и Берта. Руденц обнимает поселяни, Берта — Гедвигу. Во время этой немой сцены на горе играет музыка. Когда она умолкает, Берта выходит на середину круга.

Берта

Друзья мои, сограждане! Примите
Меня в свой круг. Я первая защиту
Нашла в стране свободы, и я вам
Свои права вверю. Защищать
Вы будете меня, свою гражданку?

Поселяне

Мы кровью защитим тебя!

Б е р т а

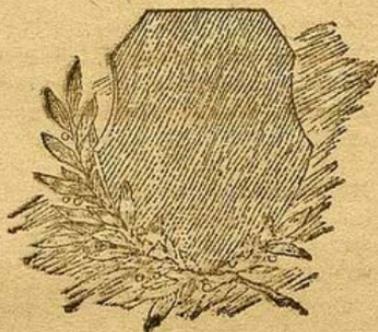
Спасибо!

Теперь я руку отдаю ему,
Свободному — свободная швейцарка.

Р у д е н ц

Свободу я даю всем крепостным!

Под звуки музыки занавес падает.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Е. Егорова.*
Худож. редактор *Б. Дехтерев.*
Технич. редактор *В. Артамонов.*

Подписано к печати 30/1 1946 г.
6 печ. л. (6,65 уч.-пзд. л.). 57 000
зн. в печ. л. Тираж 100 000
экз. А00530. Заказ № 1057.
Цена 3 р. 25 к.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сушевский вал, 19.

